

ПИСЬМА
ГРАФА
Л. Н. ТОЛСТОГО
КЪ ЖЕНѢ
1862—1910 г.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Тиво-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская ул.
МОСКВА — 1915.

43 ПИСЬМА

801
T 53
15

92
ms

Л. Н. ТОЛСТОГО

ГРАФА

КЪ ЖЕНѢ

1862—1910 г.

Издание второе, исправленное и дополненное.

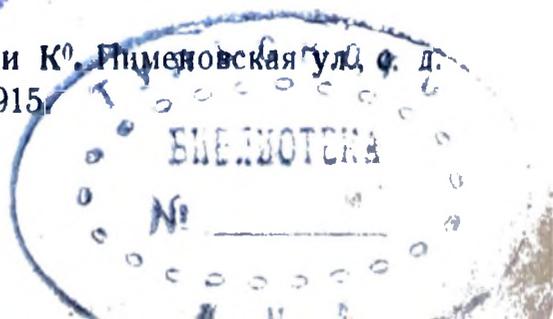
СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

20637

61667

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская ул. д. 1.
МОСКВА — 1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Передъ тѣмъ, какъ мнѣ уйти изъ жизни, чтобы соединиться съ любимымъ человѣкомъ въ той духовной области, куда онъ ушелъ, я хотѣла подѣлиться съ людьми, любящими и чтущими память Льва Николаевича, тѣмъ, что для меня такъ дорого — его письмами ко мнѣ и изъ нихъ свѣдѣніями о нашей совместной 48-лѣтней, почти до конца счастливой супружеской жизни. Письма печатаю *все*, кромѣ трехъ, касающихся живыхъ лицъ и для которыхъ еще не настало время. Разставались мы рѣдко и только по необходимости, и потому писемъ относительно немного.

Многіе, вѣроятно, найдутъ еще несвоевременнымъ опубликованіе этихъ писемъ. Но что значитъ *время* въ такихъ вопросахъ? Не лучше ли, чтобы прочли эти письма тѣ, которые знали Льва Николаевича, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ люди, не имѣвшіе никакого отношенія къ нему?

И еще вопросъ, сохранятся ли эти письма послѣ моей смерти. Въ настоящее время печатается переписка Н. Н. Страхова съ Львомъ Николаевичемъ, и въ выноскахъ безпрестанно встрѣчаются замѣчанія, что писемъ Л. Н., о которыхъ упоминаетъ Страховъ въ своихъ, не оказалось. У кого они, — неизвѣстно. Съ письмами Льва Николаевича и гр. Александры Андреевны Толстой тоже были неприятныя осложненія.

Побудило меня напечатать эти письма еще и то, что послѣ моей смерти, которая по всей вѣроятности близка, будутъ по обыкновенію ошибочно судить и описывать мои отношенія къ мужу и его ко мнѣ. Такъ пусть ужъ интересуются и судятъ по живымъ и правдивымъ источникамъ, а не по догадкамъ, пересудамъ и вымысламъ.

И пусть люди снисходительно отнесутся къ той, которой, можетъ быть, непосильно было съ юныхъ лѣтъ нести на слабыхъ плечахъ высокое назначеніе—быть женой генія и великаго человѣка.

Софія Толстая.

1862 годъ.

Письменное предложеніе графа Льва Николаевича Толстого Софьи Андреевны Берсъ 16—17 сентября 1862 г.

1.

Софья Андреевна! Миѣ становится невыносимо. Три недѣли я каждый день говорю: нынче все скажу, и уйду съ той же тоской, раскаяніемъ, страхомъ и счастьемъ въ душѣ. И каждую ночь, какъ и теперь, я перебираю прошлое, мучаюсь и говорю: зачѣмъ я не сказалъ, и какъ, и что бы я сказалъ. Я беру съ собою это письмо, чтобы отдать его вамъ, ежели опять миѣ нельзя или неостанетъ духу сказать вамъ все. *Ложный взглядъ вашего семейства* на меня состоитъ въ томъ, какъ миѣ кажется, что я влюбленъ въ вашу сестру Лизу. Это несправедливо. Повѣсть ваша зашла у меня въ головѣ, оттого что, прочтя ее, я убѣдился въ томъ, что миѣ, Дублицкому ¹⁾, не пристало мечтать о счастьѣ... что ваши *отличныя*, поэтическія требованія любви... что я не завидовалъ и не буду завидовать тому, кого вы полюбите. Миѣ казалось, что я могу радоваться на васъ, какъ на дѣтей. Въ Ивицахъ ²⁾ я писалъ ³⁾: *Ваше присутствіе слишкомъ живо напоминаетъ мнѣ мою старость и невозможность счастья, и именно вы...*

¹⁾ Лицо въ повѣсти С. А. Берсъ, напоминавшее Льва Николаевича. Повѣсть была написана въ 1860 году.

²⁾ Ивицы, имѣнье моего дѣда Писленева въ Олонецкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи.

³⁾ Мѣломъ, на карточномъ столѣ, начальными буквами,

Но и тогда, и послѣ я лгаль передь собой. Еще тогда я бы могъ оборвать все и опять пойти въ свой монастырь одинокаго труда и увлеченья дѣломъ. Теперь я ничего не могу, а чувствую, что напуталь у васъ въ семействѣ. Что простыя, дорогія отношенія съ вами, какъ съ другомъ, честнымъ человѣкомъ, потеряны. И я не могу уѣхать и не смѣю остаться. Вы, честный человекъ, руку на сердце, *не торопясь, ради Бога не торопясь, скажите*: что мнѣ дѣлать? Чему посмѣешься, тому поработаешь. Я бы померъ со смѣху, ежели бы мѣсяць тому назадъ мнѣ сказали, что можно мучаться, какъ я мучаюсь, и счастливо мучаюсь, это время. Скажите, какъ *честный человекъ*, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели отъ всей души, *смило* вы можете сказать *да*, а то лучше скажите *нѣтъ*, ежели есть въ васъ тѣнь сомнѣнія въ себѣ. Ради Бога спросите себя хорошо. Мнѣ страшно будетъ услышать *нѣтъ*, но я его предвижу и найду въ себѣ силы снести. Но ежели никогда мужемъ я не буду любимымъ такъ, какъ я люблю, это будетъ ужасно...

Другое написанное предложеніе гр. Льва Николаевича Толстого Софьи Андреевнѣ Берсъ, отданное имъ послѣ женитьбы. Сентябрь 1862 г.

2.

Софья Андреевна! Мнѣ стыдно и больно, что я васъ втянулъ въ фальшь, которую вы не можете переносить и которую вамъ не слѣдуетъ терпѣть. Вотъ обѣщанныя разъясненія: ложный взглядъ вашего семейства состоитъ въ томъ, что я влюбленъ, или *que je fais la cour*, въ вашу сестру Лизу. Это совершенно несправедливо. Ваша повѣсть сидитъ у меня въ головѣ потому, что въ ней я узналъ себя Дублицкимъ и ясно убѣдился въ томъ, что я къ несчастію забываю слишкомъ часто: что я, дядя Лявонъ, старій, необычайно непривлекательный чортъ, который долженъ одинъ упорно и серьезно работать надъ тѣмъ, что ему дано отъ Бога, а не думать о другомъ счастьѣ, кромѣ сознанія исполненнаго дѣла.

Второе разъясненіе—слова, написанныя въ Пивцахъ, слѣд. или въ родѣ того. Смысль тотъ. Я бываю мраченъ, глядя именно на васъ, потому что ваша молодость напоминаетъ мнѣ слишкомъ живо мою старость и невозможность счастья. Это было написано тоже до чтенія повѣсти, которая и влѣдствіе тѣхъ поэтическихъ *отличныхъ* требованій молодости, и влѣдствіе узнанія себя въ Дублицкомъ совершенно отрезвила меня, такъ что я вспоминаю повѣсть и васъ не только безъ сожалѣнья или прошедшей зависти къ П. или будущей зависти къ тому, кого вы полюбите, но радостно, спокойно, какъ смотришь на дѣтей, которыхъ любишь.

Одно грустно, что я вообще нануталъ и самъ занутался у васъ въ семействѣ, и что потому мнѣ надо лишить себя лучшаго наслажденія, которое я давно не испытывалъ,—бывать у васъ.

А впрочемъ, вы честный человекъ, съ вами лгать нельзя ¹⁾.

Я Дублицкій, но только жениться на женщинѣ такъ, потому что надо же жену, я не могу. Я требую ужаснаго, невозможнаго отъ женитьбы. Я требую, чтобъ меня любили такъ же, какъ я могу любить. Но это невозможно.

Л. Толстой.

Я перестану ѣздить къ вамъ, защитите меня въ съ Танечкой.

1863 годъ.

Письма и записки изъ Тулы, изъ Пирогова, съ охоты, съ пчельника, гдѣ Левъ Николаевичъ одно время проводилъ теплые дни, улекаясь пчелами.

3.

Съ охоты.

Мы будемъ дома въ половинѣ пятаго, непременно. Возвращаться мы будемъ по Муравкѣ ²⁾, по дорогѣ въ Горячкно (Яковъ знаетъ). Ты поѣзжай въ пролеткѣ съ Яковымъ на Бара-

¹⁾ (Здѣсь вычеркнуто шесть строкъ, такъ что нельзя прочесть.)

²⁾ Муравкой называлась большая дорога.

банѣ. Мы будемъ ѣхать лѣвой стороной дороги, т.-е. влѣво отъ вашего направленія. Ежели хочешь проѣхаться больше, такъ какъ день прелестный, то выѣзжай въ часъ съ половиной; ежели хочешь меньше, выѣзжай въ два съ половиной. Якову вели взять рожокъ и трубить.—Агу, агъ... 1).

Осенью.

4.

Изъ Тулы.

Я у Маркова 2) сижу и буду обѣдать. Они васъ очень просятъ *объихъ* 3). Пожалуйста приѣзжайте. Я былъ у Менгденъ 4). Они насъ ждутъ вечеромъ. Пожалуйста приѣзжайте. Таня, не капризничай. Мы будемъ всё вмѣстѣ, и все будетъ толкомъ.— И билетъ готовъ.

Ноябрь.

1864 годъ.

5.

22 апрѣля, 10 час. Пирогово.

Приѣхали мы отлично, ничто не рвалось, не ломалось, и Саша 5) остался доволенъ *сидѣньемъ*. Въ Пироговѣ прежде, чѣмъ въ домъ, вошли на конный дворъ. И мнѣ такъ грустно стало—*страсть*, глядя на конюшни, прежде полныя тысячными лошадьми и теперь пустыя или заставленныя одрами. Я четыре года не былъ въ Пироговѣ, и ужасно грустно послѣ всего прежняго изобилія и богатства 6) видѣть мерзость запустѣнія и

1) Относилось къ новорожденному сыну Сережѣ.

2) Евгений Львовичъ Марковъ, известный писатель, тогда учитель тульской гимназій.

3) Я и моя сестра Т. А.

4) Тульскій помѣщикъ, впоследствии членъ госуд. совѣта.

5) Мой братъ, Александръ Андреевичъ Берсъ.

6) При отцѣ Л. Н. Исторію Пироговскаго имѣнія см. въ „Біографіи“ І. Бирюкова (I, 78). При раздѣлѣ Толстыхъ Пирогово досталось С. Н. Голетому.

посреди заустѣнья—городской домикъ съ убитыми щепнемъ передь окнами дорожками.

Домъ оказался не топленъ, и мы пошли (мы, я перезябъ, особенно на козлахъ) къ приказчику, который есть удивительно жалкій и смѣшной *dummer Junge*, какъ я и объявилъ Келлеру ¹⁾. Въ хозяйствѣ Сережи мнѣ дѣлать нечего, хотя я чувствую, что одной внушительной болтовней съ старостой и приказчикомъ я не бесполезенъ. Сейчасъ сдѣлалъ ошибку. Загнали скотину крестьянскую, и одинъ мужикъ самовольно увелъ; я его напугалъ, и онъ пришелъ просить прощенія за это; и онъ безъ носа и потому очень жалокъ, и я его простилъ, не штрафъ, а наказанье. И теперь раскаиваюсь.

Саша съ Келлеромъ пошли на тягу, а я сижу съ пономъ, который говоритъ, что мужикъ этотъ потерялъ носъ, ходя къ *аристократкамъ*. Бѣтъ намъ очень хотѣлось, но мы напились чаю, и Сережка намъ варить курицу.

6.

23 апрѣля, 4½ часа. Оттуда же.

Я проснулся въ 4, несмотря на то, что легъ въ 12-мъ часу, и сейчасъ перебудилъ вѣхъ, велѣлъ ставить самоваръ и закладывать лошадей. Домикъ точно картонная игрушечка и прекрасно устроенъ до малѣйшихъ подробностей; но былъ такъ холоденъ, что мы обѣдали, или ужинали скорѣе, въ кухнѣ. Я все болталъ съ пономъ, а Сережка тутъ же, подлѣ насъ, на плитѣ, готовилъ кушанье.

Послѣ ужина я прошелъ въ подробности по всему дому и узналъ вещи Сережины (разныя мелочи), которыхъ я не видалъ давно, которыхъ знаю 25 лѣтъ, когда мы оба были дѣтьми, и ужасно мнѣ стало грустно, какъ будто я его потерялъ навсегда. И оно почти такъ.

¹⁾ Густавъ Фед. Келлеръ, привезенный Льв. Ник. изъ Германіи въ Яснополянскую школу.

Они спали наверху вмѣстѣ, а я внизу, должно быть, на томъ диванѣ, на которомъ Т... за ширмами держала его. И эта вся поэтическая и грустная исторія живо представилась мнѣ. Оба хорошіе люди, и оба красивые и добрые: старѣющій и чуть ли не ребенокъ, и оба теперь несчастливые; а я понимаю, что это воспоминаніе этой ночи—одни въ пустомъ и хорошенькомъ домѣ—останется у обоихъ самымъ поэтическимъ воспоминаніемъ, и потому что оба были милы, особенно Сережа. Вообще мнѣ стало грустно на этомъ же диванѣ и о нихъ, и о Сережѣ, особенно глядя на ящичекъ съ красками, тутъ, въ комнатѣ, изъ котораго онъ красилъ, когда ему было 13 лѣтъ; онъ былъ хорошенькій, веселый, открытый мальчикъ, рисовалъ и все, бывало, пѣлъ разныя пѣсни, не переставая. А теперь его, того Сережи, какъ будто нѣтъ.

Потомъ у меня въ ухѣ шумѣло и стало грустно о тебѣ (о Сережѣ меньшомъ я еще не жалѣю), и нашелъ страхъ, что я тебя оставилъ; потомъ заснулъ и видѣлъ во снѣ разныя лица изъ моего романа.

Идемъ мы далѣе на Машенькиныхъ лошадяхъ ¹⁾, а Келлеръ въ телѣгѣ на моихъ съ пчельникомъ, который не приходилъ оттого, что у него умеръ третьяго дня зять. Обѣщавъ мнѣ еще пчельникъ съ собою привезть (и съ Келлеромъ) бабу кухарку. Боюсь, Келлеръ бы не обидѣлся. Еще нанялъ мужика, Кондратія, жившаго у Сережи и разочтеннаго приказчикомъ именно съ тою цѣлью, чтобы отдать его Сережѣ, когда онъ вернется. А по показаніямъ Келлера, Сережа имъ дорожить.

Хозяйственныя дѣла у Сережи и Маши, сколько можно видѣть при поверхностномъ обзорѣ, не дурны, и даже столяръ приказчикъ не такъ дурень, какъ казалось сначала.

Вотъ что: пожалуйста, ты безъ меня не попускайся—тебя въ это втягиваетъ Т.,—а дѣйствуй, какъ бывало въ эти дни, когда ты сходишь къ Мышкѣ ²⁾ и играешь на фортепіанахъ и только Сережа

1) Сестры М. Н. Толстой, имѣніе которой было поблизости отъ Пирогова.

2) Смысль этого обозначенія забыть.

отрываетъ тебя. Ежели Сережа будетъ нездоровъ, пришли ко мнѣ сейчасъ нарочнаго. Я прошу не сидѣть, а ходить, для того что иначе—я имѣю дерзость думать—тебѣ будетъ грустнѣе безъ меня. Еще я буду писать тебѣ, какъ нынче,—все, хоть съ собой привезу; также и ты пиши, пожалуйста; но не посылай по почтѣ,—не дойдетъ; а въ субботу вечеромъ вышли Якова; ежели онъ придетъ и будетъ человекъ для уборки остальныхъ лошадей, то вышли Якова съ лошадьми (подкованными) въ Лапотково, пускай онъ тамъ переночуетъ и воскресенье ѣдетъ шагомъ въ Сергіевское и тамъ тоже переночуетъ, ежели мы не приѣдемъ въ этотъ день. Онъ привезетъ мнѣ твое письмо. Въ Лапотковѣ пускай онъ скажется на станціи, а въ Сергіевскомъ пускай стоитъ у Черемушкина ¹⁾. Овса можеть взять съ собой верхомъ 2 мѣрки, и что неостанеть—купить. Дорка ²⁾ ужъ вѣрно вамъ измѣнила. Ежели она не уѣхала, внушите Петру Ѳедорову, что веревку, къ которой она привязана, или цѣпь онъ не долженъ отпускать ни на одну секунду. Прощайте, цѣлую ручки тетенькѣ.

7.

Съ дороги. Въ апрѣлѣ или маѣ.

Соця! Я здоровъ, больше, чѣмъ въ Ясной, и ѣмъ, и сплю. Здѣсь все здоровы. Машенька сдѣлала глупость, не дождавшись моего отвѣта. Я приѣду завтра. Баба, которая принесетъ это письмо, нанята въ скотницы за 12 рублей въ годъ и 2 пуда муки, и $\frac{1}{4}$ мѣры крупъ. Прощай, не пишу больше, потому что думаю, что самъ буду прежде этой бабы. Л. Толстой.

8.

Съ пчельника, версты полторы отъ дома.

З отроилось. Рамокъ нужно чѣмъ больше, тѣмъ лучше. По-сылаю рамки неподклеенныя. Пришли мнѣ струбцинки,—это

¹⁾ Купецъ, покулавшій хлѣбъ въ Ясной Полянѣ.

²⁾ Дорка—желтый сеттеръ, наша любимая собака.

винты, чтобъ вынимать ульи. Двѣ были у садовника. У меня есть 4 пустыя рамки, а стекла ни одного. У меня голова болитъ. Пришли лошадь или заѣзжай за мной передъ обѣдомъ.

Юнь.

Все-таки *Левендуло* ¹⁾.

9.

Соня! Одинъ (рой) ушелъ и пойманъ. Два отроились. Когда отдѣлаешься дома, пришли мнѣ жаровенку и воскъ и за мной пришли лошадь и полотенце передъ обѣдомъ. Ивану Иванычу ²⁾ внуши, чтобъ онъ постарался найти плотниковъ завтра.

Левендуло.

Что Сережа? Зелень тотъ разъ была признакомъ перехода къ лучшему.

Юнь.

10.

Соня, найди кого-нибудь охотниковъ ѣхать сейчасъ въ Тулу; а ежели нѣтъ никого охотниковъ, то пошли Ивана шорника. Чтобъ онъ былъ дома въ 8-мъ часу. Нужно: 1) свезти записку къ Конылову ³⁾ и взять денегъ, 2) на почту, 3) у медовыхъ кунцовъ Сушкиныхъ и др. спросить воцны. Какъ твой зубъ и ...?

Левендуло.

Я хочу остаться здѣсь до 5-го часа. Два отроились.

Записки запечатай. Коли отъ Конылова не достанутъ денегъ, то пусть отдастъ записку Келлеру. Тогда только.

Юнь.

11.

Съ дороги. Изъ Марьино ⁴⁾.

Забылъ тебѣ сказать очень важное: посылай каждый день Николку на пчельникъ присутствовать и сама вели себѣ сказы-

1) Такъ одно время прозвалъ себя Левъ Николаевичъ, а мнѣ это не нравилось.

2) Приказчикъ.

3) Купецъ, покупавшій хлѣбъ.

4) Эта и четыре слѣдующія записки безъ указанія мѣста и времени должны быть отнесены къ лѣту 1864 г.

вать, сколько и когда отроилось, и старостѣ вели смотрѣть. Это я пишу ужъ изъ Марьина.

12.

Я выдумалъ самое умное для тебя. Оставайся тамъ. Я здѣсь поужинаю и пріѣду на своихъ лошадяхъ за тобой черезъ часъ, чтобъ ѣхать прямо въ Ясную.

13.

Съ охоты.

Я видѣлъ цѣлую ночь страшные сны про Сережу маленькаго и про твоего отца. Видѣлъ, что Сережа на уздѣ водилъ вокругъ себя скелетъ въ холодной комнатѣ. Я проснулся въ 4 ч. въ очень раздраженномъ и хорошемъ состояніи. Очень хочется писать, и знаю, что. Прощай, милая жена. А, можетъ быть, будетъ хорошая погода, тогда пріѣзжай ко мнѣ; въ два часа выѣзжай.

14.

Я ужасно наслаждался, читая всѣ эти письма ¹⁾. И читалъ съ тобой. Читай и ты со мной. Какіе всѣ славные, милые. Всѣ твои. Лучше твой міръ, чѣмъ мой, поганый, съ работниками.

15.

Съ охоты.

Доѣхали до Ново-Малахова хорошо. Линейка сломана. Кое-какъ собрали, чтобъ довести. Все бы у меня хорошо на душѣ, если бъ не то, что я тебѣ сказалъ передъ отъѣздомъ.—Напиши мнѣ съ первой почтой, всѣ ли вещи при линейкѣ, съ тѣмъ, чтобы дать на чай старостѣ.

Гр. Л. Толстой.

16.

Воскресенье, 9 авг. Съ охоты въ Чернск. уѣздѣ.

Поѣхали мы по старой дорогѣ. Въ 4-хъ верстахъ забѣжалъ я въ болотце и сдѣлалъ промахъ по бекасу. Потомъ около Широкова,

¹⁾ Отъ моихъ родныхъ изъ Москвы.

у Иконскихъ выселокъ убилъ дупеля и бекаса. Таня и пронасть мальчишекъ деревенскихъ присутствовали и визжали. Въ Пироговъ встрѣтили насъ Машенька, дѣти, Гриша; съ ними Сережа и тетенька ¹⁾. Сталь я подговаривать Машеньку ѣхать къ тебѣ. Теперь ей нельзя или не хотѣлось; а тетенька первое слово сказала, какъ мы тебя оставили одну, и побѣдетъ. Я подговаривался, чтобъ она ѣхала на другой день, но она не сказала, когда. Было бы очень хорошо все, если бъ не присутствіе Сережи и Т..., которое даетъ натянутость и неискренность всѣмъ отношеніямъ. Это гнѣнье, выходы на балконъ и все мнѣ ужасно непріятно. Вся эта исторія много портитъ мнѣ жизнь. Постоянно неловко и боишься за нихъ обоихъ.

Только я успѣлъ пообѣдать, какъ сталъ собираться. Машенька дала телѣжку и лошадь, Келлеръ поѣхалъ со мной въ Воротынку. Это 12 верстъ отъ Пирогова. Вечеромъ мы ничего не нашли, кромѣ Бибикова, В. Н., возвращавшагося съ охоты съ того болота, куда мы ѣхали. Онъ увѣрялъ, что ничего нѣтъ дичи, но я уговорилъ его ѣхать ночевать съ нами. Я въ сараѣ съ Доркой тепло и безъ насѣкомыхъ спалъ отлично.

Утромъ, въ 4 часа, насъ разбудили выстрѣлы въ болотѣ, которое въ $\frac{1}{4}$ версты отъ деревни. Тамъ уже было пять человекъ охотниковъ. Мы пошли, я сдѣлалъ промахъ по дупелю, потомъ убилъ одного, и одного Келлеръ. Потомъ поѣхали искать дальше. И не нашли ничего, кромѣ охотниковъ, которыхъ въ этомъ мѣстѣ въ одинъ вчерашній день съѣхалось съ разныхъ мѣстъ 17 человекъ. Мнѣ бы надо было пріѣхать двѣ недѣли раньше, а то болото это знаменито, и въ него ѣдутъ со всѣхъ сторонъ.

Къ вечеру съѣхались мы съ другимъ молодымъ, женатымъ Бибиковымъ и молодымъ Маршочниковымъ, и тутъ, возвращаясь домой, нашелъ я и убилъ двухъ бекасовъ. Былъ уже 6-й часъ, когда мы подѣзжали къ Пирогову. Бибиковъ, Николай, уговорилъ меня обѣдать у него (онъ по дорогѣ отъ Машеньки двѣ версты). Я заѣхалъ, отобѣдалъ съ горькимъ масломъ и хо-

¹⁾ Татьяна Александровна Ергольская.

тѣль ѣхать, какъ явился Сережа. Онъ совсѣмъ не зналъ, что мы тутъ просто катались со всѣми Зефиротами ¹⁾ и заѣхали сюда. Домой ѣхали вмѣстѣ. Напились чаю, поужинали, и я легъ съ Доркой во флигелѣ, гдѣ, говорятъ, клопы; но я спалъ превосходно, и не знаю, есть ли ибѣтъ. У Сережи съ Т.... что-то было, я вижу по признакамъ, и мнѣ это очень непріятно. Ничего, кромѣ горя, и горя всѣмъ, отъ этого не будетъ. А добра не будетъ ни въ какомъ случаѣ.

Нынче всталъ,—всѣ снятъ, и вотъ досталъ тетрадь какую-то и пишу къ Сонѣ, безъ которой мнѣ жить плохо.

Вчера я возвращался въ Пирогово съ мыслью, что я нынче ѣду назадъ въ Ясную: такъ мнѣ стало страшно за тебя и Сережу, котораго видѣлъ во снѣ. И мнѣ досадно было, что тетенька не ѣдетъ и не уѣхала. Но когда тетенька объявила, что она ѣдетъ завтра съ Таней, я рѣшилъ, что поѣду въ Никольское ²⁾. Сомнительно, чтобъ я поѣхалъ дальше. Пиши же черезъ станцію. Можетъ, я нынче найду письмо въ Черни. Испортился я совсѣмъ. Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно съ людьми. На охотѣ я забываю, помню объ одномъ дупелѣ; но съ людьми—при всякомъ столкновеніи, словѣ—я вспоминаю о тебѣ, и все мнѣ хочется сказать тебѣ то, что я никому, кромѣ тебя, не могу сказать.

Нынче я буду въ Никольскомъ, завтра пробуду весь день, и, должно быть, больше никуда не поѣду, и послѣзавтра вернусь. Изъ Черни же тебѣ напишу.

1) Такъ называлъ Левъ Николаевичъ своихъ племянницъ Варю и Лизу по слѣдующему поводу: въ Ясную Поляну изрѣдка прѣзжала монахиня тульскаго монастыря, Марья Герасимовна, крестная мать Маріи Николаевны. Разъ, прѣбывши изъ Тулы, она рассказала, что въ газетахъ напечатано, что прилетѣли огромные—не то птицы, не то драконы, зовутъ ихъ Зефироты. Сначала Л. Н. говорилъ про меня и сестру Таню: „жили, жили съ тетенькой покойно, и прилетѣли къ намъ эти Зефироты“. Потомъ онъ переищесъ это названіе и на племянницъ.

2) Имѣніе Толстыхъ въ Черскомъ уѣздѣ.

17.

10 августа.

Вотъ опять вѣриѣишій случай: Феть везетъ 1). Я вчера пріѣхалъ въ Никольское въ 8. Страшный тамъ случай, поразившій меня ужасно 2). Баба скотница упустила бадью въ колодезь на конномъ дворѣ. Колодезь всего 12 аршинъ. Сѣла на палку и велѣла себя опустить мужику. Мужикъ-староста, пчеловодъ, единственный мнѣ знакомый и милый въ Никольскомъ. Баба слѣзла внизъ и упала съ палки. Мужикъ-староста велѣлъ себя спустить, долѣзь до половины, упалъ съ палки внизъ. Побѣжали за народомъ, вытащили черезъ полчаса, оба мертвые. Въ колодецѣ было всего 3 четверти воды. Вчера хоронили.

Спалъ я скверно, мухи заѣли. Всталъ въ 10 и получилъ письмо, что Феть тутъ и сейчасъ ѣдетъ. Я поѣхалъ къ Борису и отъ него пишу. Феть боленъ и мраченъ. Не хочетъ къ намъ заѣхать. Хозяйство въ Никольскомъ превосходно, но урожай не слишкомъ хорошъ. Завтра я осмотрю земли и, должно быть, буду готовъ. Грустно, что мы не могли пожить вмѣстѣ въ Никольскомъ. Феть сидитъ и чешетъ каламбуры такъ что *страсть*, и развлекаетъ. Борисовъ дастъ собаку. Прощай, милая. Нынче посылаю въ Чернь. Авось привезутъ твое письмо. У Борисова пропасть сливъ, и Феть говоритъ, что здѣсь живутъ *и счастливы—ища сливы*. Цѣлую крѣико. Сережѣ: атата, атата...

18.

На слѣдующій день.

Нынче 11-е. Я, наконецъ, выспался. Утро чудесное; и, уже ничѣмъ постороннимъ не отвлекаясь, я намѣренъ заняться цѣлый день проектами разверстанія, осмотра земли для хутора, скотины и т. д. Вчера я писалъ тебѣ съ Фетомъ. Боюсь только, что онъ не доставилъ тебѣ письма. День вчерашній провелъ у Борисова. Правда твоя, что Борисовъ этотъ непріятный человекъ. Все у него хорошо: какъ обстроены, какой обѣдъ, лошади, со-

1) Т.-е. письмо.

2) Описано въ Книгахъ для чтенія Л. Н. Толстого.

баки, оранжереи—все отлично. Къ чему человѣку съ сумасшедшей женой заводить все это? Мальчикъ его очень собой милъ, здоровъ, энергиченъ, но непріятель и *страшно* похожъ на мать. Я увѣренъ, что онъ кончитъ тѣмъ же, чѣмъ мать. Гости у него были: сестра его жены, глупая и резонерка, толстая помѣщица, и Нарышкинъ, молодой, женатый человѣкъ, страстный охотникъ, деревенскій житель и сосѣдъ Кирѣевского 1). Онъ зналъ тебя дѣвочкой. Они жили въ Покровскомъ, и А. Е. 2) съ Жюлькой его учили стрѣлять.

Бздили на охоту около дома, и Борисовъ протравилъ постыднымъ образомъ русака. Такъ, что и не хочется у него брать собакъ. Чулковъ, отсюда 20 верстъ, продаетъ 6 борзыхъ и 5 гончихъ, и отличныхъ собакъ. Но я не рѣшаюсь. Какъ ты скажешь? Шеншина, несмотря на то, что она дура, сказала мнѣ, что отъ *всѣхъ* она слышала похвалы тебѣ. Еще бы! А Кирѣевскій говоритъ Нарышкину, у котораго жена должна такъ же родить, какъ ты, что стыдно охотнику пригонять дѣло такъ, чтобы роды были въ охотничью пору.

Доходъ съ Никольскаго нынѣшній годъ будетъ около 4000 по теперешнимъ цѣнамъ, да стараго хлѣба на 1000 руб. Заплатить надо въ Совѣтъ 1900 да Дохтурову 1500, и того около 2500 останется... Я считаю самое малое. Теперь, ежели ничего не случится, я нынче окончу всѣ дѣла и выѣду въ ночь, ежели буду свѣжъ; ежели жъ очень устану, то выѣду завтра утромъ и вечеромъ почувствую твой арбузь 3) и увижу твое лицо милое. Прощай, голубчикъ, Сережѣ кланяйся и не вели капризничать, а атата, атата...

19.

12 августа. Г. Чернь.

А я-то тебя какъ люблю! Голубчикъ, милый. Всю дорогу ѣхалъ до Черни и думалъ: нѣтъ, непременно произойдетъ какая-нибудь

1) Кирѣевскій, богатый помѣщикъ, страстный охотникъ.

2) Андрей Евстаѣевичъ Берсъ, мой отецъ.

3) Беременность, уже очень поздняя,

путаница съ письмами и я не получу въ Черни. Приѣзжаю, и бывшій приказчикъ Томаса—какое милое лицо у этого приказчика—говорить: а вы не изволили получить письма? А я такъ проголодался, занялся супомъ, что еще не спросилъ. Какое письмо милое, и ты милая! Я спокоешь, и по письму вижу, что ты не въ великомъ, но очень хорошемъ состоянїи. Я къ Фету и къ Кирѣевскому не думаю ѣхать, *à moins qu'il n'arrive quelque chose d'extraordinaire*. Въ Никольское не ѣхать и вернуться къ тебѣ, какъ я хотѣлъ, было собственно и притомъ нужно, а удовольствїя безъ тебя для меня быть не можетъ, кромѣ охоты. Охоты же у Кирѣевского и Фета быть не можетъ. Я обдумалъ это теперь. Что ежели бы мнѣ ѣхать къ Кирѣевскому, то надо бы списаться и приѣхать къ его выѣзду. Я не отмѣняю срокъ 15-го числа, а только самъ постараюсь приѣхать раньше. Теперь 7 часовъ. Я въ Черни. Стало быть, въ Никольскомъ только съ завтрашняго дня. И надо же осмотрѣть наконецъ и узнать хорошенько это имѣнье, которое я не знаю и не видѣлъ, несмотря на то, что 5-й годъ имъ живу. Разспроси Таню, въ какомъ духѣ былъ нынче Сережа большой. Пресмѣшно. Уѣзжая отъ Машеньки, я зашелъ въ болотце, около дороги. Вижу, ѣдутъ Сережа, Гриша и Келлеръ. Думаю себѣ: вотъ они ѣдутъ, я увижусь, поговорю, только страшно хочется, надо сходить скорѣе, чтобъ свободно съ ними быть. Я сѣлъ въ болото... Подъѣзжаетъ Сережа, и надутый.—Прощай, прощай... Я въ полной увѣренности, что онъ въ этомъ пассажѣ видѣлъ что-нибудь особенное и ему въ пику едѣланное. Вслѣдствїе ли это его характера или отношенїй къ Т., или вслѣдствїе моего характера, только онъ мнѣ тяжелъ, тяжелъ и тяжелъ. Я нынче еще себя спрашивалъ: не я ли виновать въ томъ? Но нѣтъ. Тетенька мнѣ мила. Машенька чудо какъ мила и прїятна; Зефироты—говорить нечего, а онъ связываетъ, стѣсняетъ меня.

Дорогой встрѣтилъ знакомаго архитектора и пригласилъ его къ себѣ. Онъ будетъ около 16-го. Я на своихъ лошадяхъ доѣхалъ до Красныхъ дворовъ, 18 верстъ за Сергіевское, и послалъ ихъ

кормиться къ Черемушкину до моего возвращенія. Скажи Ивану Ивановичу, чтобъ онъ приказалъ лошадей въ конюшнѣ убирать хоть Кондратию. Еще скажи ему, чтобъ лучшую землю (самую навозную), 2 десятины, онъ бы не засѣвалъ, а оставилъ подъ пшеницу, которую привезутъ изъ Никольскаго. Въ выборѣ земли пусть онъ спроситъ совѣта Тимоѳея старосты. Еще скажи ему, чтобъ онъ посмотрѣлъ саженыи клеверъ, — не перепуститъ бы его, т.-е. какъ бы головки не свалились. Еще сѣмянной же клеверъ, за рощей, надо обирать. Послать туда 10 дѣвочекъ и Софью 1) съ ними, если хорошая погода, и щипать головки, класть въ фартуки, а изъ фартуковъ въ телегу. Надѣюсь, двѣ Тани 2) у тебя, цѣлуй ихъ отъ меня. А о тебѣ ничего не говорю. Въ этотъ разъ я чувствую, какъ ты мнѣ много еще ближе стала.

Осенью 1864 года Левъ Никол. ѣздилъ часто на охоту съ борзыми и въ концѣ сентября упалъ вмѣстѣ съ лошадью въ водомоину, сломалъ себѣ руку и выбилъ ее изъ плеча. Вправили неудачно тульскіе доктора, рука срослась неправильно; рѣшилъ Левъ Ник. ѣхать въ Москву, вновь вправить руку, и 21 ноября уѣхалъ. Я осталась съ только что родившейся дочерью Таней въ деревнѣ. Переписка шла въ ноябрь и декабрь.

20.

24 ноября. Москва.

Опять вечеръ, у Тани на столѣ пишу тебѣ, пріѣхавъ изъ театра. Ужъ мнѣ кажется, что я не могъ бы заснуть, не написавъ тебѣ. Все, что дѣлаю днемъ, думаю: «вотъ это напишу Софѣ». Поповъ 3) vaguement сказалъ мнѣ вчера, чрезъ Петю, на мое письмо, чтобъ я пріѣзжалъ въ половинѣ десятаго въ больницу. Я думалъ, что онъ согласится дѣлать въ тотъ же день операцію.

1) Меня, Софью Андреевну.

2) Тетенька Татьяна Александровна и сестра Татьяна Андреевна.

3) Докторъ хирургъ.

оговорившись съ Басовымъ 1). Но оказалось, что Екатериинъ день (24)—у нихъ праздникъ, и онъ хотѣлъ только меня показать своему ассистенту, а дѣлать операцію рѣшительно отказался до завтра. Ассистентъ его, который знаетъ больше его, и онъ самъ опять сказали то же, что шансовъ удачи очень мало. Приѣхавъ домой, я рассказывалъ Андрею Евстаѣевичу; онъ сталъ мнѣ представлять резоны, что править не надо (Любовь Александровна 2) тоже того мнѣнія). Стали мнѣ представлять примѣры Трифоновны 3) съ невправленной ногой и хорошо ходящей, мужика-охотника въ Покровскомъ съ невправленнымъ вывихомъ руки и дѣйствующаго ею, такъ что я въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ нерѣшительность, тѣмъ болѣе тяжелую, что 3-й день все въ ней, а я уже, было, такъ хорошо рѣшился, что утромъ хотѣлъ непременно сдѣлать операцію и для того бралъ съ собою Алексея 4). А. Е. увѣрялъ и доказывалъ, что рука, хотя и не на мѣстѣ, все будетъ улучшаться и улучшаться и мѣсяцевъ черезъ шесть дойдетъ до совершенной свободы движеній. Чтобы выйти изъ самаго сквернаго состоянія нерѣшительности, я придумалъ слѣдующее: послать за Анке 5) и попросить его, чтобы онъ со мной вмѣстѣ поѣхалъ къ Иноземцеву 6), и спросить у Иноземцева, что какъ бы онъ посоветовалъ своему хорошему другу, находящемуся въ моемъ положеніи: дѣлать или не дѣлать операцію? Написали къ Анке, я между тѣмъ сѣлъ писать и чувствую себя нынче вообще хорошо. Написалъ листъ недурно 7). Приѣхалъ докторъ, гимнастъ, который ежедневно мнѣ животь

1) Тоже хирургъ.

2) Моя мать.

3) Кухарка, прожившая въ нашей Берсовской семьѣ болѣе 35 лѣтъ.

4) Алексѣй Степановичъ Орѣховъ, преданный слуга Льва Николаевича, бывший съ нимъ въ Севастополѣ. Крестьянинъ Ясной Поляны.

5) Старый врачъ, пріятель моего отца, профессоръ, деканъ медицинскаго факультета.

6) Извѣстный въ то время докторъ.

7) Романъ „Война и миръ“.

А. Е.,—показаль ему руку. Онъ сказалъ, что не понимаетъ, что хотять дѣлать хирурги; что у него былъ случай хуже моего, и совершенно получилъ владѣнье, и увѣрялъ, что въ 6 мѣсяцевъ, дѣлая гимнастику по его наставленіямъ, я могу получить всѣ движенія руки. Онъ повертѣлъ руку, и я почти увѣренъ, что онъ правъ. Несмотря на то, разъ положивши, я все оставался въ намѣреніи исполнить то, что посовѣтуетъ незаинтересованный авторитетъ, какъ Иноземцевъ.

Съ Петей ¹⁾ мы рѣшили итти до обѣда въ Зоологическій садъ: я—посмотрѣть браманутровъ и пройтись, онъ—кататься на конькахъ. Таня пошла съ нами. Мы славно болтали всю дорогу. Она говоритъ, что ей и грустно, и скучно, и все оговаривается, что она не жалуется, а между тѣмъ она права. Пасмурно въ Кремль; что за странность: Л. А. и А. Е. любятъ другъ друга, и оба какъ будто взяли себѣ цѣлью жизни раздражать другъ друга изъ всякихъ пустяковъ, портятъ себѣ жизнь и всѣмъ окружающимъ, особенно дочерямъ. Эта атмосфера раздраженія такъ тяжела даже для постороннихъ. Вѣрно, что бы ни было, у насъ такъ не будетъ, милая моя душенька Соня, кормящая за ширмами, какою я тебя всегда вижу. За обѣдомъ и все послѣобѣда придирки, раздраженія съ обѣихъ сторонъ, что все страшно, все неловко. Собрались въ театръ смотрѣть новую комедію Островскаго «Шутники». Но такъ какъ Анке отвѣчалъ, что пріѣдетъ вечеромъ, отложили, опять послѣ столкновения между родителями. Пріѣхаль Анке и отсовѣтоваль обращаться за совѣтомъ къ Иноземцеву, и совѣтоваль обратиться къ Рудинскому, главному доктору военнаго госпиталя, который по его словамъ знаетъ дѣло больше Попова и Басова. Послали Алексея съ письмомъ къ Рудинскому и получили отвѣтъ, что онъ будетъ завтра, въ 12 часовъ; и опять я жду его совѣта, и по его совѣту рѣшительно буду дѣлать операцію или нѣтъ. Всѣ средства употребляю, чтобъ операція была сдѣлана завтра же, и, разумѣет-

¹⁾ Мой братъ, Петръ Андреевичъ Берсъ.

ся, ты получишь телеграмму. Анке, бѣдный, сначала отказался отъ предложеннаго хереса, а потомъ выпилъ, и грустно пошутить что-то съ Трифоной, и уѣхалъ. Л. А. съ барышнями уѣхала въ театръ, и я поѣхалъ за ними. Я засталъ конецъ 2-го дѣйствія. Изъ деревни всегда мнѣ покажется все дико, ломаньемъ и фальшью; но пригляднись, и опять правится. Комедія трогательна, даже слишкомъ. Въ театрѣ приходили Оболенскій маленькій и Геничка Ауэрбахъ. Ю. О. и Sophie тамъ были. Я самъ добрый нынче вечеромъ, и все мнѣ кажется добрымъ. Приѣхавъ, поужинали, и я въ кроткомъ и добромъ расположеніи, но со страхомъ за тебя и за всю дѣтскую, и думать. Еще нѣтъ отъ тебя письма. Ежели что дурно, *телеграфируй* пожалуйста, и телеграфируй до тѣхъ поръ, пока не будетъ лучше. Прощай, душа, и двухъ недѣль не проживу здѣсь.

21.

25 ноября.

Нынче утромъ я послалъ третью телеграмму, въ которой говорю, что операціи дѣлать не буду. Вотъ какъ было дѣло утромъ: сидѣлъ дома, ожидалъ Рудинскаго, заѣхалъ случайно еще Вендрихъ. Показалъ ему, и онъ сказалъ, что править не надо, хотя и признавалъ, что рука не на мѣстѣ, и привелъ три случая вправленія застарѣлыхъ вывиховъ, которые все остались безуспѣшны. Ему я не повѣрилъ и ждалъ Рудинскаго, на слова котораго я какъ будто загадалъ—сдѣлать, что онъ скажетъ, что бы то ни было. Я впередъ просилъ А. Е. не говорить съ нимъ прежде меня и предоставить объяснить одному мнѣ. Онъ смотрѣлъ внимательно и рѣшилъ, что ломать не надо, что былъ переломъ (это призналъ и Поповъ), и что полному вправленію могла помѣшать какая-нибудь подвернувшаяся подъ головку связка, и что кромѣ того пустое пространство, которое не занято костью руки, теперь ужъ навѣрное выполнилось хрящомъ (это тоже говоритъ Поповъ), и что поэтому пробовать нечего. Онъ говорилъ, что рука очень, очень мало не на мѣстѣ, и что владѣть ею я буду гораздо лучше,

чѣмъ теперь; что теперь я не владѣю преимущественно оттого, что при бездѣйствіи всѣ мускулы исхудали, и въ мускулахъ было произведено растяженіе и ушибомъ параличное состояніе, которое можетъ пройти и само собою, и при употребленіи іодистой мази, которая произведетъ наружное воспаленіе. Это я сдѣлаю завтра; главная же моя надежда на гимнастику. Фоссъ увѣрялъ вчера, что у него были такіе случаи, излѣчиваемые совершенно, и что для этого потребуется мѣсяцевъ шесть. Онъ говорилъ, что надо это дѣлать ему самому, слѣдовательно въ Москвѣ, на что я, разумѣется, не соглашусь, и думаю сдѣлать вотъ какъ: начавъ съ завтрашняго дня, буду его приглашать каждый день ко мнѣ для упражненій и продолжу это недѣлю или 10 дней. Алексѣй будетъ присутствовать и учиться; и ежели замѣчу пользу, то по его инструкціи буду продолжать то же самое. Къ несчастью, онъ долженъ былъ пріѣхать нынче къ А. Е. и почему-то не былъ, такъ что я всего съ нимъ не переговорилъ. А впрочемъ будетъ, что будетъ. Я очень мало буду тужить, если рука безъ боли останется въ теперешнемъ даже положеніи, и ежели бы я зналъ, что ты смотришь такъ же, то былъ бы совершенно спокоенъ. Отъ тебя все нѣтъ письма. Нынче утромъ я опять писалъ охотно; потомъ пріѣхалъ маленькій Оболенскій, который, кажется, хочетъ faire la cour Лизѣ, и С—нъ, который что-то похудѣлъ и сталъ похожъ на стараго камеръ-лакея. Оба наскучили. Потомъ Анке еще хуже наскучилъ, сидя весь обѣдъ и весь вечеръ. А. Е. тоже тяжель своей непрестанной, томящей заботой о своемъ здоровьѣ, которое было бы дѣйствительно много лучше, ежели бы онъ меньше о немъ заботился, воздерживался бы. Вечеромъ поѣхали опять въ Малый театръ всѣ, безъ Тани, въ новую дурацкую пьесу, но все хорошо бы было, только не для меня. Мнѣ все скучно здѣсь, кромѣ моей работы и пѣнья Тани. Она плоха. Безпрестанно плачетъ и молчитъ почти такъ же, какъ было первое время. Получили отъ Саши письмо очень хорошее, только и мечтаетъ, что о поѣздкѣ въ Ясную Поляну. До сихъ поръ я только и былъ озабоченъ своей рукой; теперь,

когда это дѣло рѣшено, я завтра добьюсь отвѣта отъ Каткова и или у него или отдѣльной книжкой начну печатать. Матеріаловъ я много досталъ здѣсь. Что ты? Что въ дѣтской? Прощай, милый другъ. Завтра, можетъ, еще приищу, а теперь 11-й часъ, и усталъ очень; я все послѣобѣда дѣлалъ гимнастику своею рукою.

22.

27 ноября.

Вчера въ первый разъ не успѣлъ написать тебѣ вечеромъ въ тотъ же день и теперь пишу тебѣ утромъ, еще всѣ спятъ, чтобъ послѣтъ до 9-ти на почту. Посылай, пожалуйста, Кондратія или Сережку каждый день. Не успѣлъ я написать вчера оттого, что зачитался Рославлевымъ. Понимаешь, какъ онъ мнѣ нуженъ и интересенъ ¹⁾. Вчерашній день никуда не выѣзжалъ, ожидая гимнаста Фосса, и пробовалъ, было, писать, но негдѣ, мѣшаютъ, да и не въ духѣ былъ, должно быть. Не весело, совсѣмъ не весело въ Кремлѣ. А. Е. только и говорить, что о своей болѣзни, которую онъ видитъ въ кишкахъ. Лиза ²⁾ тихо сидитъ и шевелится по своимъ дѣламъ, а Таня плачетъ цѣлые дни, какъ вчерашнее утро. О чемъ,—не добьешься, или все о томъ же, или о томъ, что ей скучно. Это правда. Года три-два тому назадъ былъ вашъ цѣлый міръ—твой и ея, съ влюбленьями разными и ленточками, и со всей поэзіей и глупостью молодости; а теперь вдругъ и послѣ нашего міра, ей очень полюбившагося, и всѣхъ передрагъ, т.-е. чувства, испытаннаго ею, она, вернувшись домой, не нашла больше этого міра, который у ней былъ съ тобой, а осталась добродѣтельная, но скучная Лиза, и поставлена она лицомъ къ лицу, т.-е. ближе къ родителямъ, которые вслѣдствіе болѣзни стали тяжелы. Ну, записались на коньки, сдѣлали шапочку мерлушечью, записались въ концерты, но этого ей мало... Поговорилъ я съ ней, но говорить и скучно и грустно. Потомъ пришелъ

¹⁾ Въ связи съ писавшеюся уже „Войной и миромъ“.

²⁾ Моя старшая сестра.

Любимовъ ¹⁾ отъ Каткова ²⁾. Онъ завѣдуетъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Надо было слушать, какъ онъ въ продолженіе, я думаю, 2-хъ часовъ торговался со мной изъ-за 50 рублей за листъ и при этомъ, съ пѣной у рта, по-профессорски смѣялся. Я остался твердъ и жду нынче отвѣта. Имъ очень хочется, и вѣроятно согласятся на 300 руб., а я, признаюсь, боюсь издавать самъ, хлопотъ и съ типографіей, и, главное, съ цензурой.—Послѣ него пошелъ я гулять къ Фоссу. Какъ на бѣду, когда я хотѣлъ начинать, его два дня не было. За обѣдомъ позвонили,—газеты; Таня все сбѣгала; позвонили другой разъ—твое письмо. Просили все у меня читать, но мнѣ жаль было давать его. Оно слишкомъ хорошо, и они не поймутъ, и не поняли. На меня же оно подѣйствовало, какъ хорошая музыка: и весело, и грустно, и пріятно—плакать хочется. Какая ты умница, что пишешь, чтобъ я никому не давалъ читать моего романа; ежели бы даже это было не такъ умно, я бы исполнилъ потому, что ты хочешь.—Между родителями не было столкновений за солонину и т. п., и Таня послѣ обѣда развеселилась (молодость беретъ же свое), и было пріятно. Я собрался съ Петей и Володей въ баню, а Таня съ мама на Кузнецкій мостъ. Послѣ бани мнѣ дали Рославлева, и за чаемъ слушалъ разговоры и, слушая пѣнье Тани, все читалъ съ наслажденіемъ, котораго никто, кромѣ автора, понять не можетъ. А. Е. сварилъ какао и неотступно гонитъ меня пить. Прощай. Рука болитъ, но я надѣюсь. Мазаль іодомъ, и нынче во что бы то ни стало съѣду Фосса. Прощай, милая; пиши и посылай въ Тулу каждый день. Да, вотъ, подумай и объясни: третьяго дня былъ Саша Купфершмидтъ ³⁾, я съ нимъ часа два разговаривалъ объ охотѣ; и вчера сошелъ къ нянѣ и съ ней о дѣтяхъ и раз-

1) Ник. Ал. Любимовъ былъ профессоромъ физики въ университетѣ, а потомъ служилъ въ ред. „Русскаго Вѣстника“.

2) Михайль Шкиф. Катковъ, известный публицистъ, редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“.

3) Скрипачъ Малаго театра, товарищъ по ружейной охотѣ съ моимъ отцомъ.

ныхъ казусахъ говорить; и повѣришь ли, что эти два разговора были пріятнѣе всѣхъ, которые я имѣлъ во все время пребыванія моего въ Москвѣ, включая и Любимова, и Сухотина, и Тютчеву ¹⁾. Чѣмъ больше я сталкиваюсь съ людьми теперь, выросши большой, я убѣждаюсь, что я совсѣмъ особенный человекъ, и отличаюсь только тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ прежняго тщеславія и мальчишества, которыя рѣдко кого оставляютъ.

Письма, диктованныя сестрѣ Тань послѣ операціи вновь вправленной руки.

23.

29 ноября.

Вотъ тебѣ отчетъ за два дня. Когда мнѣ сказали, и я повѣрилъ, что гимнастика одна сдѣлаетъ пользу, я сталъ махать рукой, и долженъ признаться, что она пришла въ скверное состояніе, что я очень унылъ, и въ этомъ уныніи поѣхалъ къ Редлиху ²⁾; когда Редлихъ, у котораго была выгода брать съ меня деньги, на гимнастикѣ сказалъ, чтобъ я правилъ, то я окончательно рѣшился; но чистой правдѣ, рѣшился я наканунѣ въ театрѣ, когда музыка играетъ, танцовщицы пляшутъ, Michel Боде ³⁾ владѣеть обѣими руками, а у меня, я чувствую, видъ кривобокій и жалкій, въ рукавѣ пусто и ноетъ; а главное же, нервное разстройство, подъ вліяніемъ котораго я пріѣхалъ изъ Женой, совершенно прошло, и я вспомнилъ твои слова: не слушаться Андрея Евстаѣевича, что онъ меня собьетъ; такъ и вышло.

Въ этотъ день особенно дѣятельно ходилъ по книжнымъ лавкамъ, докторамъ, и хотя я чувствовалъ, что всѣхъ Берсовъ смутилъ своимъ рѣшеніемъ править, я былъ очень веселъ, поѣхалъ въ оперу, мнѣ было очень пріятно и отъ музыки, и отъ вида различныхъ господъ и дамъ, которые для меня все типы. Бояться хлороформа и операціи мнѣ было даже совѣстно думать, несмотря

1) Екатерина Федоровна Тютчева, дочь поэта.

2) Владѣлецъ водолѣчебнаго и гимнастическаго завеленія.

3) Свѣтскій человекъ, сынъ начальника дворцовой конторы въ Москвѣ.

на то, что ты обо мнѣ такого низкаго мнѣнія; неприятно мнѣ было остаться безъ руки немного для себя, но право больше для тебя, особенно послѣ разговора съ Таней, который меня еще больше въ этомъ убѣдилъ. Я шелъ навѣрное на то, что не исправятъ; но дѣлалъ это, чтобы избавить себя отъ своихъ же упрековъ въ будущемъ, и самъ удивлялся, какъ я могъ разными Анками, Вендрихами и толками дать себя сбить до того, что потерялъ почти цѣлую недѣлю. Въ этотъ же день и на другой день не писалъ тебѣ отъ того, что Поповъ перѣшительно обѣщалъ пріѣхать въ субботу, 28-го, а я въ письмѣ своемъ долженъ былъ тебя обманывать или страшно встревоживать. Забылъ, было, описать свиданіе съ Любимовымъ передъ оперой; онъ пріѣхалъ отъ Каткова и, опять словно смѣясь, объявилъ, что Катковъ согласенъ на все мои условія, и дурацкій торгъ этотъ кончился, т.-е. я имъ отдалъ по 300 рублей за листъ первую часть романа, которую онъ съ собою и увезъ. Но когда мой porte-feuille опустѣлъ и словно Любимовъ понесъ рукописи, мнѣ стало грустно именно за то, за что ты сердишься,—что нельзя больше переправлять и сдѣлать еще лучше.

Теперь слѣдующій день, мое памятное 28-е. Съ утра начались необыкновенныя событія и суетня во всемъ домѣ, какъ-то: барышни, уступивши мнѣ комнату, переносились; второе: Анючка та chère со стиркой, произведшей тоже не малое волненіе; потомъ третье: мама съ дѣвами, Степой, Ланой, няней поѣхали въ баню; четвертое: пріѣхала Захарына,—тоже событіе; пятое: полотеры, которые, мѣшаясь со всѣми на дорогѣ, танцовали при этомъ по комнатамъ; шестое: портниха съ шубками, и наконецъ седьмое: ожиданіе Попова и операциі. Операцию тебѣ описала Таня, которая обо всемъ могла имѣть большее понятіе, чѣмъ я; я знаю только, что не чувствовалъ никакого страха передъ операцией и чувствовалъ боль послѣ нея, которая скоро прошла отъ холодныхъ компрессовъ.

Ухаживали и ухаживаютъ за мной такъ, что желать нечего, и только совѣстно; но, несмотря на все, вчера съ разстроенными

первыми послѣ хлороформа, особенно послѣ твоихъ писемъ, которыя пришли четверть часа послѣ операціи, я Богъ знаетъ какъ хотѣлъ, чтобы ты тутъ была.

Боль утихала очень скоро, и къ вечеру было только неловко и скверно отъ оставшагося во мнѣ хлороформа. Въ этотъ вечеръ мнѣ все хотѣлось ходить и какъ можно больше дѣлать. Я послалъ Петю за книгами къ Ешевскому ¹⁾, и Перфильевы ²⁾, узнавъ отъ него объ операціи, вчетверомъ, молодая и старая чета, пріѣхали къ намъ; Васенька ³⁾ игралъ въ Тамбовѣ съ Ольриджемъ Макбетъ, роль шотландскаго короля, и Настасья Сергѣевна показывала Васенькину карточку въ шотландскомъ костюмѣ и подвѣшенной бородой; хочу снять копію съ этой карточки для Сережи, въ pendant съ m-lle Baumgarten ⁴⁾. Я воспользовался Перфильевыми для себя очень пріятно, заведя Степана Васильевича на рассказы о 12-мъ годѣ.

Ночь провелъ хорошо, и нынче утромъ помощникъ Попова, Гаакъ, пріѣхалъ, перевязалъ, сказалъ слѣдующее: положеніе руки стало много лучше, но на линію все-таки выдалась впередъ плечевая кость, и что надо предполагать, что буду владѣть рукой свободно, хотя немного не совсѣмъ такъ, какъ лѣвой; неподвижность руки и бинтъ—дѣло первой важности; черезъ три дня можно будетъ сказать опредѣлительнѣе; черезъ двѣ недѣли можно будетъ ѣхать домой; вообще положеніе руки стало навѣрно лучше, чѣмъ было. Поповъ, пріѣхавшій послѣ, подтвердилъ то же и такъ же неопредѣленно. Гаакъ и Поповъ будутъ ѣздить. Вчера я ничего не ѣлъ, а сегодня явился прекрасный аппетитъ, и чувствую себя очень хорошо. Вчера послали телеграмму безъ адреса въ домъ Руднева, и, боясь, что она не дойдетъ, нынче по-

1) Профессоръ.

2) Семья жандармскаго генерала Ст. Вас. Перфильева.

3) Василій Степановичъ Перфильевъ, впоследствии московскій губернаторъ, другъ Льва Николаевича.

4) Гувернантка племянницъ: Вари и Лизы Толстыхъ, сълавшая свою фотографію въ арабскомъ мужскомъ костюмѣ.

слалъ тебѣ другую. Первы еще не совѣмъ въ порядкѣ, и потому нынче не писалъ, хотя Лиза вызывается писать подъ диктовку; о Танѣ же я тебѣ расскажу, какъ она мила. Папа говоритъ, что онъ плакалъ, читая твое письмо ко мнѣ; я едва удерживался, чтобы не дѣлать того же самаго. Сейчасъ получилъ вашъ большой пакетъ. Прощай, пиши и посылай въ Тулу за моими письмами каждый день. Воздерживаюсь отъ разныхъ вещей, которыя хотѣлъ бы написать о тебѣ самой и дѣтяхъ, оттого что эти вещи надо самому говорить и писать, а диктовать пеловко. Цѣлую милыхъ Зефиротовъ, и Машеньку, и Сережу, который, надѣюсь, у васъ, такъ какъ ты купила вина, и прошу и надѣюсь на Сережу и Машеньку, что если что неблагополучное у насъ случится, они меня сейчасъ извѣстятъ телеграммой; хотя этимъ дѣлу и не поможешь, но зато я буду всегда спокоенъ, не получая телеграммы. Тетенькѣ цѣлую руки, которыя поднимаются; теперь я не могу видѣть и говорить о рукѣ, не думая о томъ, что она хорошо подымается.

Цѣлую тебя въ дѣтской, за ширмами, въ свѣромъ канотѣ.

24.

1 декабря.

Здоровье очень хорошо, но—главный предметъ—рука остается подъ сомнѣніемъ. Сейчасъ былъ докторъ, перевязалъ въ третій разъ послѣ операціи, не позволяетъ дѣлать ни малѣйшаго движенія, обѣщаетъ, что буду владѣть рукой, но признается, что хотя кость и въ лучшемъ положеніи противъ прежняго, но все не на мѣстѣ. Совѣсть моя спокойна; я все попробовалъ, что можно было, а ужъ такъ надоѣло и думать, и говорить о ней. Теперь отчетъ о моей жизни:

О вчерашнемъ днѣ писала тебѣ Таня; отчего я не писалъ, самъ не знаю, кажется, усталъ, да и весь день для всѣхъ былъ, несмотря на свою торжественность ¹⁾, тяжелый и скучный. Кто ни пріѣдетъ: и Дьяконова, и Перфильева Варенька и Саша Куп-

¹⁾ 30-го ноября именины моего отца.

фершмидтъ—все люди хорошіе и показываютъ участіе, а Богъ знаетъ, отчего,—не только скучно, но тяжело; какъ будто подъ наказаніемъ сидишь съ ними. Какъ въ житьѣ нашемъ оказалось, что намъ дома не надо, а достаточно одной дѣтской, такъ и въ жизни, съ тѣхъ поръ, какъ я выросъ большой, вижу, что никого не нужно, кромѣ пяти-шести человѣкъ самыхъ близкихъ людей. Миѣ всегда бывало досадно, совѣстно, когда мы говорили про Любовь Александровну, что все въ ней хорошо, а сердце не очень къ ней лежитъ. Въ этотъ прїѣздъ, а особенно вчера вечеромъ, когда все уѣхали, мы очень хорошо разговорились, и я очень ее полюбилъ. Говорили не о чемъ-нибудь необыкновенномъ—объ ея молодости, объ исторіи Ш—хъ, о васъ всѣхъ и о ея супружескихъ отношеніяхъ, и у нея глаза особенно блестящи, и выходило очень хорошо. Судишь строго оттого, что мы съ тобой избалованы и окружены слишкомъ хорошими людьми, а она очень, очень хорошая, милая и главное умная женщина, въ чемъ я прежде сомнѣвался.

Веселѣе всего, даже Армфельда, бланманже, и шума, и Николая Богдановича (Анке), было вчерашній день то, что мы съ Таней и Петей въ пристройкѣ повторяли все: Са-а-шъ Куп-фершмидтъ! (!!!staccato) этакимъ голосомъ. Впрочемъ, Саша Куп-фершмидтъ, Петръ Гавриловичъ, няня и многое миѣ особенно странно и пріятно потому, что напоминаетъ тебя дѣвочкой и когда ты была невѣстой, и это хорошее чувство я второй разъ испытываю, живя безъ тебя въ Кремлѣ. Я все шучу, а у тебя что дѣлается? Послѣ твоего большого конверта я ничего не получалъ, и грустно очень становится иногда безъ тебя, тѣмъ болѣе, что эти два дня не пишется. Я вчера объяснялъ Танѣ, почему миѣ легче переносить разлуку съ тобой и съ дѣтьми (я чувствую однако здѣсь, что я ихъ еще мало люблю),—у меня есть постоянная любовь и забота о моемъ дѣлѣ писанья. Ежели бы этого не было, я чувствую, что я бы не могъ рѣшительно пробыть дня безъ тебя. Ты это вѣрно понимаешь, потому что то, что для меня писанье, для тебя должны быть дѣти.

Таня все приставляетъ палець къ глазу, и какъ-то странно, то раздраженно весела, то вдругъ нервно и весело заплачетъ, какъ вчера; когда Клавдія ¹⁾ рассказывала про нашу Марью Ивановну, привезшую въ ихъ заведеніе 16-лѣтнюю дочь, которая родила,—она вдругъ разревѣлась. Лиза удивляетъ меня своей постоянной дѣятельностью и сознаниемъ долга: то учится по-англійски, то переводить, то съ дѣтьми, то за мной, за наша ухаживаетъ, но все целовко и несимпатично. Андрей Евст. постоянно жалуется на свою болѣзнь, хандритъ, и въ семействѣ его слишкомъ строго судятъ, онъ мнителенъ, но положеніе съ этой трубочкой ²⁾ не очень пріятно; впрочемъ послѣдніе дни Любовь Александровна съ нимъ очень хороша.

Я всегда податливъ на похвалу, и твоя похвала характера княжны Марьи меня очень порадовала. Но сегодня я перечелъ все присланное тобою (начисто переписанное), и мнѣ показалось все это очень гадко, и я почувствовалъ лишеніе руки; хотѣлъ поправить кое-что, перемарать—и не могъ; вообще разочаровался сегодня насчетъ своего таланта, тѣмъ болѣе, что вчера диктовалъ Лизѣ ужасную ерунду. Я знаю, что это только временное настроеніе, которое пройдетъ; можетъ быть, нервы не окрѣпли послѣ хлороформа и вообще не въ нормальномъ состояніи отъ тугой перевязки на груди. Впрочемъ ты не думай, чтобы я былъ нездоровъ; я тѣмъ и сплю хорошо, и завтра непременно пройдуся или пройдуся, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ. Впрочемъ нынѣшній день я тебѣ еще не описывалъ; да ничего, ровно ничего не было, читалъ давно забытую Гоголевскую повѣдь и французскіе *mémoires*, да съ Славочкой ³⁾ игралъ, онъ очень, очень милъ. Все проситъ рассказать ему сказку (сказку), и я ему рассказываю, что мальчикъ съѣлъ 7 огурцовъ, и вся. И онъ повторяетъ: «мама, лиль, билъ одинъ мальчикъ, и онъ съѣлъ 7 огур-

1) Дочь няин моихъ братьевъ, акушерка.

2) Серебряная трубочка (канюля) была вставлена въ горло отпа послѣ операціи п паралича горла.

3) Двухлѣтній братъ мой Вячеславъ.

цовъ, ха-ха-ха!..» Ихъ мнимый французъ мнѣ очень не нравится; онъ совершенно того разбора, какъ Labourdette. Но что дѣлать, онъ нуженъ, я съ этимъ согласенъ, для бѣдной Любови Александровны, которой безъ помощи мужа пришлось теперь воспитывать 4-хъ мальчиковъ, именно когда помощь была бы нужнѣе всего. Степа ¹⁾ бѣдный все забить, даже этотъ Labourdette его постукиваетъ,—но не унываетъ. Когда Степа входитъ въ комнату и видитъ гостя, незнакомое лицо (эту операцію онъ произвелъ вчера съ Сухотинымъ и Дьяковой), онъ очень усердно расшаркивается, такъ что гость чувствуетъ необходимость съ особенно пріятной улыбкой отвѣтить на поклонъ, и думаетъ, что этимъ отъ него отдѣлался. Но тутъ-то Степа начинаетъ еще чувствительнѣе и настоятельнѣе расшаркиваться, какъ будто ожидая еще чего-то; гость опять улыбается, онъ опять расшаркивается, такъ что всѣмъ въ комнатѣ становится стыдно. Сухотина онъ довелъ вчера до нѣжныхъ поцѣлуевъ.

Ну, прощай, милый другъ, страшно писать вздоръ, можетъ, тебѣ не до этого; надѣюсь, тревоги твои обо мнѣ ужъ прошли. Цѣлую всѣхъ. Въ запискѣ ты забыла чай, я его куплю; остальное все купить мама. Брамапутровъ приторговалъ и привезу съ собой. Деньги, если получу за романъ теперь, отдамъ Берсамъ. Что Яковъ? Какой дуракъ, что убѣжалъ изъ больницы; не переставайте слѣдить за нимъ. Что дѣлается въ скотной? Нѣтъ ли надежа? Не унываетъ ли Анна Петровна? Не занялась ли слишкомъ свадьбой дочери? Подбодри ее, чтобъ поила и кормила хорошенько телятъ и свиней; и старосту, чтобъ, главное, скотина была исправна, а то и въ двѣ недѣли можно все испортить, все, что сдѣлано въ годъ. Прощай, голубчикъ, поди гулять, смотрѣть заячьи слѣды съ Зефиротами и каждый день посылай въ Тулу и пиши мнѣ.

25.

2 декабря.

Милая моя Соня, нынче вечеромъ получилъ твое огорчительное письмо и ни о чемъ другомъ не могу писать и думать, какъ о

¹⁾ Одинъ изъ моихъ братьевъ.

томъ, что у васъ дѣлается. Я тебя и ночью все во снѣ видѣлъ и все боюсь за васъ; главное не ослабѣвай, не приходи въ отчаяніе, согрѣвай животъ, не давай лѣкарствъ, но привези доктора, непременно привези, хоть не для того, чтобъ давать его лѣкарства, но для того, чтобъ надѣяться и слышать его успокоенія; я знаю, какъ это нужно, пошли непременно. Но все уже поздно будетъ, теперь прошло уже четыре дня. Я скоро пріѣду, не могу жить безъ тебя, но я не поѣду теперь, пока не узнаю, чѣмъ кончился поносъ ¹⁾, который меня мучаетъ. Осна ничего, это и всѣ наши сказали. Когда думаю о томъ, что можетъ случиться, то нахожу ужасъ, и потому стараюсь не думать. Одно, что утѣшаетъ меня, это то, что по всему тону письма твоего видно, что ты не въ духѣ, и я утѣшаю себя мыслью, что ты сама себя преувеличиваешь и потому невольно мнѣ. Коли бы я былъ увѣренъ, что при самомъ даже худшемъ исходѣ, мнѣ бы прислали телеграмму, я бы могъ быть спокоенъ; а теперь—нѣтъ; я знаю, что скажутъ: къ чему спѣшить извѣщать о несчастьѣ, всегда узнаетъ слишкомъ рано. Впередъ дай мнѣ твердое, вѣрное слово тотчасъ извѣстить, что бы то ни было, а то иначе жить нельзя, «жить нельзя»!

Въ томъ, что ты не получаешь писемъ, я не виноватъ; начиная съ перваго дня моего пріѣзда, я пропустилъ только одинъ день передъ операціей. Сегодня утромъ я диктовалъ немного Танѣ, читалъ книги для романа и перебиралъ бумаги изъ Архива, которыя, по протекціи Сухотина, они приносятъ на домъ. Но несмотря на богатство матеріаловъ здѣсь, или именно вслѣдствіе этого богатства, я чувствую, что совѣмъ распыляюсь и ничего не пишется. Я пересиливалъ себя, диктовалъ, но Таня уѣхала на коньки; я собирался пріѣхать или притти туда, къ нимъ, на что и спрашивалъ вчера позволеніе доктора, но оказалось, что перевязка и пальто такъ тяжелы, что я вернулся назадъ, дойдя только до Моховой. Безъ меня былъ Поповъ, но я объ этомъ не жалѣю, онъ не нуженъ и сдѣлать ничего не мо-

¹⁾ Маленькаго сына Сережи.

жетъ теперь, а нужна только перевязка, которую дѣлаеть съ помощникомъ, Гаакъ. Я ему послалъ тридцать рублей, и надѣюсь, больше ѣздить не будетъ. Къ обѣду пришелъ Оболенскій, и я все не могу разобрать, къ кому онъ возгорѣлся любовью; только что-то есть, и онъ очень милый мальчикъ, деликатный и скромный, а это ужъ большое качество. Вечеромъ читалъ и гонялъ надъ твоимъ письмомъ; ѣздилъ съ Таней и Петей по магазинамъ; славный лунный вечеръ. Какъ-то ты его провела? Ежели бы были здоровы, поѣхали бы кататься. Возвратившись, засталъ дѣдушку; онъ все такой же, но я съ грустью вижу, что весь престижъ, который онъ прежде для меня имѣлъ, весь исчезъ. Онъ привезъ карточку Костеньки ¹⁾ съ усами, и мнѣ ужасно хочется видѣть, а она еще въ перазобранномъ чемоданѣ.— Сейчасъ мнѣ съ такой ясностью и ужасомъ пришла мысль: что, ежели у васъ несчастье? Я вчера писалъ тебѣ такое шуточное письмо,—и вмѣстѣ какое-то тяжелое чувство, какъ во снѣ: хочешь и не можешь что-то схватить.

Дальше нетвердой, больной рукой написано самимъ Львомъ Николаевичемъ:

Прощай, моя милая, душечка, голубчикъ. Не могу диктовать всего. Я тебя такъ сильно всѣми любовями люблю все это время. Милый мой другъ. И чѣмъ больше люблю, тѣмъ больше боюсь.

Дальнѣйшее опять подъ диктовку.

Пожалуйста, дай мнѣ слово телеграфировать все; какъ только развяжутъ руку, что будетъ дней черезъ 5, я убѣжусь, насколько она стала лучше, и не останусь здѣсь больше. Всѣ эти дни буду дѣлать опыты и приучаться къ ѣздѣ; въ каретѣ потихоньку ѣхать не можетъ сдѣлать вреда. Всѣ наши очень милы и здоровы. Андрея Евстаѣевича здоровье, хотя онъ и жалуется, становится при мнѣ лучше. Цѣлую всѣхъ; милымъ Зефиротамъ буду отвѣчать завтра. Напишите еще, милыя Зефироты, пожалуйста.

¹⁾ Мой дядя, Константинъ Александровичъ Иславинъ.

от

26.

Тогда же (безъ числа).

Милая моя Соня, сейчасъ я былъ у Аксакова, который, помнишь, стоилъ тебѣ столько слезъ и миѣ такого раскаянья ¹⁾. Какъ я помню это чувство, когда я подъѣзжалъ къ дому, и ты выскочила ко миѣ навстрѣчу. То миѣ только и радостно здѣсь, что напоминаетъ тебя. И сейчасъ опять же Аксаковъ такъ живо напомнилъ миѣ то прекрасное время, когда ты въ Покровскомъ сидѣла съ Ниломъ Поповымъ ²⁾ на приступочкѣ, и я, притворяясь, что миѣ ничего, изо всѣхъ силъ ревновалъ тебя, и любилъ, только совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Я вчера въ театрѣ толковалъ это вашей милой Анеточкѣ, когда она выходила изъ нашей ложи, и ей сказалъ: «какъ видно, что вамъ хорошо»,— и она въ коридорѣ, несмотря на капельдинеровъ, на постороннихъ, съ азартомъ повернулась ко миѣ и сказала: «какъ славно». Премилое существо; я ей внушалъ, чтобъ она не боялась, что ея счастье пройдетъ, и что они будутъ меньше любить другъ друга; что все больше и больше любишь, только иначе; этимъ-то и премудро устроено; а любить все одинаковымъ образомъ надоѣло бы.

Такъ Аксаковъ напомнилъ миѣ: пріѣхалъ за свѣдѣніями объ Австріи; сказалъ миѣ, что лучше всего обратиться къ Нилу Попову, который оттуда пріѣхалъ. Я непременно постараюсь увидеть его.— Два дня сряду получалъ письма отъ тебя и потому весель и спокойе. Какая ты умница, что ходишь гулять, и съ милымъ Зефиротомъ—Лизой. Вѣдь какъ, кажется, теперь я былъ бы счастливъ съ тобой; а пріѣдешь, пожалуй будемъ ссориться изъ-за какого-нибудь горошка. Но теперь вѣрно не бу-

1) Въ предыдущую нашу съ Льв. Николаевичемъ побѣдку въ Москву онъ пошелъ вечеромъ къ Ив. Сер. Аксакову и общалъ захватъ за мной въ Кремль, чтобъ вмѣстѣ возвратиться домой. Заговорившись у Аксакова, Л. Н. до 4-хъ часовъ ночи не пріѣзжалъ, и я сильно забеспокоилась, плакала и представляла себѣ всякіе несчастные случаи съ Л. Н.

2) Профессоръ исторіи въ Моск. университетѣ.

демь. О рукѣ долженъ тебѣ сообщить нерадостныя извѣстія. Поповъ и Гаакъ вчера нарочно съѣхались вмѣстѣ, спяли перевязку, и хотя увѣряютъ, что кость раздвинулась немного, кажется, что отъ операціи собственно пользы очень мало. Они предлагали еще разъ попробовать, опять повторяя, что изъ ста шансовъ есть одинъ. И я, было, находился въ нерѣшительности, но вздумалъ посоветоваться съ Иноземцевымъ и Нечаевымъ, сыномъ знаменитаго костоправа, про котораго мнѣ говорили. Нынче утромъ былъ у Иноземцева. Онъ сначала мнѣ сказалъ, что вывиха нѣтъ никакого, а что у меня внутренняя болѣзнь, которую онъ открылъ, посмотрѣвъ въ увеличительное стекло на мой языкъ; потомъ сказалъ, чтобъ я носилъ хирургическую повязку, а потомъ сказалъ, чтобъ еще разъ попробовать править. Онъ совсѣмъ сумасшедшій. Вернувшись домой, засталъ Вендриха; этотъ сказалъ, чтобъ отнюдь не носить повязки. Вотъ и разсуждай! Въ два часа приѣхалъ Нечаевъ и сказалъ, что править рѣшительно невозможно, а посоветовалъ распариванье въ банѣ, мази и легкую повязку подъ мышку, увѣряя, что этимъ способомъ можетъ почти исправиться; вообще обѣщалъ, что буду почти владѣть рукой. Такъ какъ его средства все безвредныя, то я на нихъ остановился и сейчасъ иду въ ванну. Я самъ надеюсь, что буду еще въ силахъ тебя носить на правой рукѣ и дать тукманку правой рукой тому, кто тебя обидитъ. Теперь есть еще отеки и слабость отъ ломанья. Рука совсѣмъ не поднимается, и больно при толчкахъ. Кромѣ того, отъ Каткова не получилъ еще назадъ рукописей или денегъ и потому думаю пробыть до конца будущей недѣли. Писать ничего не писалъ все это время—или не пишется, или некогда, но многое себѣ приготовилъ и еще приготовлю.

Дальше опять написано нетвердой рукой Львомъ Николаевичемъ:

Прощай, милый мой другъ. Какъ я тебя люблю и какъ цѣлюю. Все будетъ хорошо, и нѣтъ для насъ несчастья, коли ты

меня будешь любить, какъ я тебя люблю. Бѣдная и милая Таня все груститъ и плачетъ. Ты совѣмъ права: она и Любовь Александровна лучше веѣхъ, и я ихъ обѣихъ очень люблю.

27.

7 декабря.

Нынче получилъ твое въ дурномъ духѣ написанное письмо, но и оно для меня радость и успокоеніе. Издалека я тебя даже такую люблю, да и въблизи тоже. Другою я тебя не могу представить, какъ съ твоими измѣненіями живости и нѣжности и изрѣдка того состоянія, въ которомъ ты писала письмо, которое изрѣдка находитъ на тебя и которое я отношу всегда къ физическимъ причинамъ, за что ты на меня всегда сердилась. Такое же бываетъ твое расположеніе духа, когда ты вдругъ вздумаешь ревновать, какъ, помнишь, незадолго передъ моимъ отъѣздомъ.

Сейчасъ уѣхалъ Василій Исленьевъ ¹⁾; онъ имѣетъ видъ добраго малаго и простъ; но что-то есть въ немъ, какъ будто у него на душѣ много стыднаго и гадкаго; такое онъ мнѣ дѣлаетъ впечатлѣніе и раздражаетъ меня. Кромѣ него, тутъ Александръ Михайловичъ ²⁾, который просто противень; и съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ, мнѣ еще тяжелѣе становится здѣсь. Боюсь тебя обмануть, но черезъ недѣлю вѣрно буду ужъ съ тобой вмѣстѣ переноситься изъ дѣтской на верхъ. Вчера и нынче былъ въ ваннѣ, и ванны, натиралъ и повязка Нечаева производятъ на руку пріятное впечатлѣніе, будто она здорова. Въ ваннѣ, сидя въ водѣ, я поднимаю и верчу ею, почти какъ здоровой рукой. Каждое утро заставляю Алексѣя поднимать ее, и она безъ боли поднимается совѣмъ кверху. Стало быть, если мускулы получаютъ силу, что все мнѣ обѣщаютъ, то нѣтъ причины, чтобъ я не владѣлъ ею; только съ тою разницею, что при движеніи кверху правое плечо будетъ подниматься выше лѣваго.

Сейчасъ говорилъ это Танѣ, и тебѣ долженъ сказать, хоть и совѣстно: я ужасно нравственно опустился эти послѣдніе три

¹⁾ Двоюродный братъ моей матери.

²⁾ Дѣдъ мой, Исленьевъ.

79919

дня; ничего не дѣлаю, даже не съѣздить въ библіотеку, куда мнѣ пужно, ни къ Каткову переговорить о романѣ, а съ утра до вечера шляюсь по комнатамъ и уныло слушаю невеселыя, 50-я шуточки Александра Михайловича. Все это, можетъ быть, хорошо, но мнѣ здѣсь одному, т.-е. безъ тебя, не вынести еще столько же. Съ завтрашняго дня намѣренъ строго ходить въ струнѣ, хоть не писать, а передѣлать здѣсь все пужныя дѣла. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду взять по ваннѣ, призвать Нечаева, спросить его, что онъ можетъ теперь сдѣлать и паставленіе въ будущемъ. Въ четвергъ и пятницу остаться и въ субботу ѣхать.

Дальше опять написано нетвердой, больной рукой Льва Николаевича:

Чтобъ воскресенье обнять тебя, милую, хоть лѣвой рукой, но обнять и цѣловать, цѣловать. Нѣтъ, целовко мнѣ писать черезъ Таню, я все пишу отъ души, а все какъ-то не то. У меня еще горе: я начинаю охладѣвать къ своему писанью, и, можешь себѣ представить, ты, глупая, съ своими неумственными интересами, мнѣ сказала истинную правду. Все историческое не клентся и идетъ вяло. Я утѣшаюсь, что отъ этого не идетъ впередъ. Я расклеился. Оправдываю себя тѣмъ, что это отъ положенія руки, которое опять стало неопредѣленно. И досадно...

Дальше опять Левъ Николаевичъ диктовалъ Танѣ:

Мнѣ такъ было хорошо послѣ попытки вправленія, когда я ходилъ съ забинтованной рукой, ожидая отъ нея сюрприза; но сюрпризъ не пришелъ, и я все еще не привыкъ къ терпѣнію, съ которымъ надо ожидать медленнаго улучшенія. Ежели я тебѣ мало пишу о дѣтяхъ, Сережѣ и Танѣ, то ты изъ этого не заключай, чтобъ ихъ положеніе было мнѣ мало интересно; напротивъ, все, до малѣйшихъ подробностей хотѣлось знать о нихъ, а въ нынѣшнемъ письмѣ ты пишешь, что у Сережи поносъ опять, а не описываешь подробно, въ какой степени.

Нынче, поутру, около часа диктоваль Танѣ, но не хорошо—спокойно, безъ волненія, а безъ волненія наше писательское дѣло не идетъ. Потомъ поѣхали на коньки, и я съ дѣдушкой, сидя на лавочкѣ, любовался успѣхами Тани и Пети. Послѣ обѣда—доказательство упадка духа—часа два игралъ въ ералашъ и выигралъ восемь рублей у несчастнаго Александра Михайловича. Потомъ баня, неловкій Василій Владиміровичъ, противный дѣдушка, дѣятельная Лиза и плаксивая Таня, и спящій Петя, и никуда негодный твой мужъ, когда онъ безъ тебя и безъ дѣтей, я теперь это чувствую. Благодарю и цѣлую Машеньку за ея письмо; я ей напишу завтра, и Зефиротамъ тоже. Надѣюсь быть въ струнѣ.

Всѣ слѣдующія письма уже написаны Львомъ Николаевичемъ собственноручно.

28.

8 декабря.

Вчера получилъ твое хорошее письмо, милый другъ. Вотъ уже 4-й день, что регулярно за обѣдомъ звонитъ почтальонъ и приноситъ твои письма. Помни, душечка, что я рассчитываю на то, что ты тотчасъ извѣстишь меня, ежели съ Сережей будетъ нехорошо. У него долженъ быть желудочный катаръ. Средства противъ этого: гигіена, тепло и удобоваримая пища: молоко, супъ, и Андр. Евст. совѣтуетъ очень телячьи ножки и саго. Саго я привезу тебѣ. Вчера я писалъ тебѣ о моихъ планахъ, о моей рукѣ и моей тоскѣ здѣсь. Все это точно такое же нынче. Воскресенье думаю быть у тебя; рукой заставляю Алексѣя дѣлать раза два въ день движенія и ношу повязку, которая меня очень облегчаетъ. За дѣло ни за какое не могу приняться.—Вчера утромъ читалъ англійскій романъ автора Авроры Флоридъ. Я купилъ 10 частей этихъ англійскихъ не читанныхъ еще мною романовъ и мечтаю о томъ, чтобъ читать ихъ съ тобою. Вотъ бы ты съ Лизой занималась по-англійски. Потомъ опять противный Александръ Михайловичъ, Екатерина Егоровна, Лиза. Даже и читать нельзя, угла нѣтъ. Только пошелъ походить до обѣда, и ни въ библіотекахъ,

ни для покупокъ ничего не могъ сдѣлать, потому что воскресенье. Послѣ обѣда опять: «Погубилъ я свою молодость», и въ 7 часовъ «Жизнь за Царя». Очень хорошо, но монотонно. Въ театрѣ была только воскресная публика, и потому половины интереса наблюдений для меня не было. Но зато, вернувшись, мы были одни: Любовь Александровна, которая очень, очень мила и хороша, Лиза, Таня и Петя, и было очень весело отчего-то. Вспоминали, разсуждали. Таня увѣряла, что она хочетъ одного: жить въ баннѣ одной, высоко, высоко, съ гитарой. Любовь Александровна доказывала, что въ баннѣ надо ѣсть и п. х..., и Таня нервно и весело, какъ и тотъ разъ о поновой дочери, расплакалась, и мы пошли спать.

Кромѣ того, Петя спалъ и вралъ, и я разсказывалъ, что я долженъ, несмотря на ревнивый характеръ жены, для очищенія совѣсти сознаться въ ужасномъ поступкѣ съ Анночкой ¹⁾. Снимая фракъ, я размахнулся рукой въ то время, какъ она проходила, и рукой попалъ ей прямо въ грудь. Я вижу, какую ты сдѣлаешь мнѣ знакомую брезгливую мину... Ахъ, Соня, скоро ли пройдутъ эти 5 дней... Для очищенія совѣсти я хочу распаренную руку показать Нечаеву.

Отъ Каткова и Любимова не получалъ отвѣта и рукописи, и мнѣ досадно; а вмѣстѣ съ тѣмъ ѣхать къ Каткову не хочется. Въ Архивѣ почти нѣтъ ничего для меня полезнаго. А нынче поѣду въ Чертковскую и Румянцевскую библіотеки. Очень мнѣ гадко и скучно, особенно эти два послѣдніе дня. Ты говоришь, чтобъ я ѣздилъ. Никуда не хочется. Одна мысль: какъ бы не забыть сдѣлать то, что нужно. Но, выбирая изъ двухъ праздностей—ухищряться разговаривать объ умномъ или жантильномъ, или шлаться по кремлевскимъ комнатамъ, безъ дѣла, все лучше послѣднее, особенно, когда нѣтъ Александра Михайловича, который, я тебѣ разскажу, почему-то сталъ мнѣ такъ гадокъ, что я его видѣть не могу равнодушно, и умышленно обошелся съ нимъ такъ холод-

¹⁾ Престарѣлая горничная сестеръ.

по подь конецъ, что онъ не заѣдетъ къ намъ. Онъ уѣхалъ вчера, въ 5 часовъ. Всѣ черныя вашей семьи мнѣ ужасно милы и симпатичны. Любовь Александр. ужасно похожа на тебя. Она на-дняхъ дѣлала колпакъ для лампы, точно какъ ты,—примешься за работу и уже тебя не оторвешь. Даже нехорошія черты у васъ одинаковыя. Я слушаю иногда, какъ она съ увѣренностью начинаетъ говорить то, чего не знаетъ, и утверждать положительно и преувеличивать,—и узнаю тебя. Но ты мнѣ всячески хороша. Я пишу въ кабинетъ, и передо мной твой портретъ въ 4-хъ возрастахъ. Голубчикъ мой, Соня! Какая ты умница во всемъ томъ, о чемъ ты захочешь подумать. Отъ этого-то я и говорю, что у тебя равнодушіе къ умственнымъ интересамъ и не только не ограниченность, а умъ, и большой умъ. И это у всѣхъ васъ, мнѣ особенно симпатичныхъ, черныхъ Берсовъ. Есть Берсы черныя: Любовь Александровна, ты, Таня, Петя; и бѣлыя—остальныя. У черныхъ умъ спитъ,—они могутъ, но не хотятъ, и отъ этого у нихъ увѣренность, иногда некстати, и тактъ. А спитъ у нихъ умъ оттого, что они сильно любятъ, а еще и оттого, что родоначальница черныхъ Берсовъ была не развита, т.-е. Любовь Александровна¹⁾. У бѣлыхъ же Берсовъ участіе большое къ умственнымъ интересамъ, но умъ слабый и мелкій. Саша пестрый, полубѣлый. Славочка на тебя похожъ, и я его люблю. Воспитанье его съ угощеніями и баловствомъ мнѣ кое въ чемъ не нравится, но онъ вѣрно будетъ славный малый. Одинъ Степа, я боюсь, еще доставить всѣмъ намъ много горя. Онъ и самъ дурень отчего-то, а воспитанье его еще хуже его. Вчера, по случаю пренія о гувернерѣ, въ которомъ принимали участіе Таня, Петя и Володя, напададая на гувернера, Любовь Александровна рѣшила отдать всѣхъ, кромѣ Пети, въ заведенья. И я говорю: «прекрасно, но крайней мѣрѣ ваша совѣсть покойна будетъ». А правда, что отца нѣтъ. Я говорю: «коли я умру, одно завѣщаніе оставлю Сонѣ,

¹⁾ Моя мать вышла замужъ 16-ти лѣтъ, выросла въ деревнѣ съ мачехой и гувернанткой Мими.

чтобъ она Серезу отдала въ казенное заведеніе». А я такъ и не сказала, за что ты умница. Ты, какъ хорошая жена, думала о мужѣ, какъ о самой себѣ, а я помню, какъ ты мнѣ сказала, что мое все военное ¹⁾ и историческое, о которомъ я такъ стараюсь, выйдетъ плохо, а хорошо будетъ другое—семейное, характеры, психологическое. Это такъ правда, какъ нельзя больше, и я помню, какъ ты мнѣ сказала это, и всю тебя помню. И, какъ Таня, мнѣ хочется закричать: «мама, я хочу въ Ясную, я хочу Сою!» Началь писать тебѣ не въ духѣ, а кончаю совсѣмъ другимъ человекомъ. Душа моя милая. Только ты меня люби, какъ я тебя, и все мнѣ ни по чемъ, и все прекрасно. Пора идти по дѣламъ.

29.

Въ тотъ же день.

Писалъ утромъ, пишу еще вечеромъ. Нынче не было письма. Что-то съ тобой дѣлается? Чѣмъ ближе приходитъ время, когда я увижу тебя, тѣмъ мнѣ страшнѣе становится. Все кажется, что въ эту длинную разлуку съ тобой что-нибудь случится. И приходятъ такія мысли, что и тебѣ совѣстно признаться. Нынче съ утра я былъ въ струнѣ. Только написалъ тебѣ письмо, сейчасъ пошелъ со двора, въ Чертковскую библіотеку, и тамъ пробылъ часа три за книгами, очень для меня нужными, и за портретами генераловъ, которые мнѣ были очень полезны. Тамъ мнѣ сказали, что у графа Уварова есть переписка его дяди, командовавшаго корпусомъ въ 1805-мъ году; поѣхалъ къ нему, но не засталъ дома. Предметъ же мой прежній, мнѣ сказали, что принимаетъ, но я, разумѣется, не вошелъ, потому что мнѣ скучно бы было и тебѣ, можетъ быть, непріятно. Дома все по-старому; Лиза не переставая работаетъ: отъ англійскаго урока къ нѣмецкому переводу, отъ перевода къ уроку съ дѣтьми; я право люблюсь на нее. Таня нѣтъ-нѣтъ и заплачетъ; и жалко, и досадно на нее смотрѣть, больше жалко. Мы счастливы, мужчины. Ежели мы

¹⁾ Въ „Войнѣ и мирѣ“.

любимъ, то можемъ дѣйствовать; а ей надо терпѣть или забывать, а она ни того, ни другого не умѣетъ.

Послѣ обѣда продиктовалъ немножко Лизѣ военную сцену, хотя и безъ связи, но не дурно. И только было расписался, какъ меня оторвали ѣхать въ баню. Потомъ читалъ англійскій романъ, написалъ записочку Бартеневу ¹⁾, и тебѣ пишу одинъ, всѣ уже разошлись спать. Завтра намѣренъ итти въ Румянцевскую публичную библіотеку, а вечеромъ дома и писать. Ежели не будетъ завтра посланія отъ Каткова, то намѣренъ послѣ обѣда съѣздить къ нему и взять рукописи. Какъ ты мила, что поняла мое чувство, отдавая рукописи. Вотъ такія черты для меня самыя главныя и лучшія доказательства твоей хорошей любви ко мнѣ...

Такъ страстно я желаю тебя видѣть... Вижу твое лицо... Странный сонъ я видѣлъ про тебя. Видѣлъ, что ты утонула и опять ожила. Рука все въ томъ же положеніи, въ повязкѣ не болитъ, и я надѣюсь на лучшее и, по правдѣ сказать, не думаю о ней, когда самъ здоровъ, а когда не въ духѣ, тогда мнѣ кажется, что это большое лишеніе. Прощай, душенька, милая, еще надо написать Ивану Ивановичу. Еще 5 дней.

30.

10 декабря.

Два дня не писалъ тебѣ, Сося, т.-е. пропустилъ одинъ день. Нынче пишу рано утромъ, съ тѣмъ, чтобы попало на почту до 12-ти. Не писалъ же я оттого, что, избаловавшись 4-мя днями сряду, въ которые регулярно мнѣ приносили твои письма, я, не получая ихъ два дня, былъ очень неспокоенъ и, уѣзжая изъ дома, думалъ: «а вотъ-вотъ безъ меня принесутъ телеграмму съ какимъ-нибудь ужаснымъ извѣстіемъ». Вчера получилъ вдругъ два твоихъ письма: розовое и большое. Оба письма очень хорошія, и я опять ожилъ духомъ, и мнѣ вѣрится, что опять счастливо и скоро

Петръ Ивановичъ, смотритель библіотеки Григ. Алекс. Черткова, послѣдствіи издатель „Русскаго Архива“.

увидю тебя, а именно: послѣ послѣзавтра. Дѣль, дотянувь до отъѣзда, у меня набралось пронасть: и къ Каткову, и къ Попову, и покупки, и книги. Можешь себѣ представить: свинья Катковъ двѣ недѣли держалъ рукопись и не читалъ ее, и просилъ подождать до вечера; я нынче поѣду къ нему и обругаю его. Третьяго дня и вчера я понемногу писалъ, диктуя то Танѣ, то Лизѣ, и чувствую себя въ хорошемъ духѣ. Рукѣ становится лучше, и подаетъ мнѣ хорошія надежды. Нынче увидю Попова, Гаака и Печасва, съ тѣмъ чтобы они сказали мнѣ послѣднее слово передъ отъѣздомъ. Чай кушилъ двухъ сортовъ, опять по-прошлогоднему. Твое хозяйство отлично; все, что едѣлаешь, хорошо. И то, чтобы возить воду изъ Воронки, одна изъ тѣхъ хозяйственныхъ вещей, которыя очень трудны и очень просты. Вотъ я пріѣду, погоди же ты, Анна Петровна, ужъ я не разъ нарушу твое спокойствіе и чай.

Что это съ милой Лизой? Надѣюсь, она ужъ здорова, и Машенька успокоилась.—Вчера были въ Гильомъ-Теллѣ. Я былъ въ духѣ понимать и наслаждаться два первыхъ акта, а потомъ усталъ. Такъ Сережа къ клеенкѣ лицо прикладываетъ и агу кричить? Посмотрю я. Ты меня такъ удивила, объявивъ, что ты спишь на полу ¹⁾; но Любовь Александровна сказала, что и она такъ спала, и я понялъ. Я и люблю, и не люблю, когда ты подражаешь ей. Я желалъ бы, чтобы ты была такая же существенно хороша, какъ она; но хочется, чтобы ты была (какъ оно и есть) болѣе тонкой работы и съ бѣльшими уметвенными интересами. Оно такъ и есть.

Послѣ послѣзавтра, на клеенчатомъ полу въ дѣтской обойму тебя, тонкую, быструю, милую мою жену. Надо ѣхать.

31.

Декабрь.

Соня, душенька, я въ очень хорошемъ духѣ, въ такомъ, въ какомъ могу быть безъ тебя. У меня три радости въ нынѣшній день: 1) Я поѣхалъ утромъ въ ванну и, какъ всегда, въ водѣ началъ упражнять свою руку и вдавливать кость назадъ, гдѣ бы

¹⁾ Изъ страха уронить ребенка на полъ при кормленіи ночью.

ей должно быть. Можешь себѣ представить, что, къ удивленію моему, я замѣтилъ, что кость иногда впереди на $\frac{1}{8}$ вершка, а вдавишь ее, она входитъ назадъ. Вдавивъ назадъ, я попробовалъ поднимать. Въ водѣ она поднялась легко. Я всталъ, и на воздухѣ, къ великому моему удивленію, она поднялась наравнѣ съ плечомъ и выше, выше, и выше головы. Какъ скоро я придерживаю ее рукой, т.-е. кость, рука поднимается безъ боли и труда. Это открытіе, можешь себѣ представить, какъ меня порадовало. Вопросъ въ томъ, чтобы удержать кость на этомъ положеніи. Бинтованіе удерживаетъ ее, но не совсѣмъ и, кромѣ того, стѣсняетъ руку. Завтра пріѣдетъ ко мнѣ Нечаевъ, которому я обязанъ за совѣты банъ, мазей и бинтованья, и послѣ того я поѣду еще къ Понову. Пускай они осмотрятъ на мѣстѣ и рѣшатъ, что дѣлать дальше.

Письмо это придетъ вѣрно вмѣстѣ со мной, но пишу (кромѣ того, что у меня хорошо на душѣ и хочется поговорить съ тобой) затѣмъ, что ежели я не пріѣду воскресенье, то ты знай, что какой-нибудь бандажъ или наблюденіе надъ моею рукой задержали меня. Должно быть, этого не будетъ.

2) Хотя не радость, но пріятно. Утромъ пріѣзжалъ Любимовъ отъ Каткова, опять три часа торговался, довелъ меня до того, что я спустилъ имъ, т.-е. разрѣшилъ въ ихъ пользу напечатать 500 оттисковъ (отъ цѣны я не отступилъ), и довелъ до того, что я ему рѣзко сказалъ, что они грубы. Онъ уѣхалъ, соглашаясь на все, и просилъ меня только оставить имъ теперь же рукопись. Стало быть, это дѣло покончено.

3) Это твое письмо бѣлое, большое. Душа моя, я радуюсь твоимъ слезамъ, понимаю ихъ очень, очень, очень. Только страшно, не примѣшивается ли къ нимъ сожалѣнье, и не могъ ли я сдѣлать, чтобъ не было этого сожалѣнья.

Грустно, что о Сережѣ все ты не пишешь; что поносъ, прошелъ ли? Не говори и не думай, что я ихъ не люблю. Одно изъ главныхъ желаній моихъ, чтобъ Сережа былъ совсѣмъ здоровъ. Больше я бы ничего не попросилъ у волшебницы. А я не люблю ихъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ я тебя люблю.

Еще пріятное, и очень пріятное, впечатлѣніе было нынче то, что Жемчужниковъ ¹⁾ пріѣхалъ ко мнѣ, и я, противъ твоего совѣта, обѣщавъ прочесть ему нѣсколько главъ. Случайно въ это же время пріѣхалъ и Аксаковъ. Я имъ прочелъ до того мѣста, какъ Ниполитъ рассказываетъ: «одна дѣвушка...», и имъ обоимъ, особенно Жемчужникову, чрезвычайно понравилось. Они говорятъ: «прелестно». А я радъ, и веселѣй писать дальше. Опасно, когда не похвалятъ или наврутъ, а зато полезно, когда чувствуешь, что произвелъ сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этого веселаго чувства мы разговорились въ спальнѣ хорошо, и я ужиналъ передъ столомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ ты меня ждала, когда я тебѣ сдѣлалъ предложеніе, и такъ живо я это вспомнилъ. Какъ же намъ не вспоминать? Слава Богу, и воспоминанья хорошія, и мечты о будущемъ и настоящемъ. Будетъ какъ хорошо, когда мы опять увидимся, и я увижу твое особенно радостное лицо, которое такъ хорошо дѣлается въ эти минуты. Я такъ живо вспомнилъ и твое испуганное лицо, и твое платье лиловое. Я Танѣ все показывалъ на это мѣсто, и она не могла догадаться.

Цѣлую ручки тетеньки и цѣлую Машеньку, Зефиротовъ, Сережу большого и малаго, а Таня еще не человекъ. Богъ дастъ, я самъ привезу тебѣ это письмо.

1865 годъ.

32. Пятница, апрѣль или май.

Пишу тебѣ въ 12 часовъ дня изъ Никольскаго, куда я сейчасъ пріѣхалъ отъ Дьякова ²⁾. Начну съ начала. Въ Никольское я пріѣхалъ часу во второмъ на разсвѣтѣ. Очень усталъ и на

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ, поэтъ.

²⁾ Дмитрій Алексѣевичъ Дьяковъ, близкій другъ Льва Николаевича. Его имѣніе Черемошня было недалеко отъ Никольскаго.

новомъ мѣстѣ долго не заснулъ. Проснулся въ 11-мъ. Татьяна Дмитріевна угащивала меня часомъ и хотѣла готовить обѣдъ, но я рѣшился ѣхать къ Дьяковымъ. Хозяйство хорошо, и Иванъ Ивановичъ хорошъ. Хлѣбъ здѣсь гораздо лучше нашихъ, но 20 десятинъ свекловицы погибаютъ отъ мушкары. Я все вралъ, что въ Никольскомъ 800 четвертей овса. Здѣсь 500 четвертей ржи и 480 четвертей овса. Такъ что денегъ гораздо больше, чѣмъ предполагалъ. Тысячи на 2¹/₂. Я не нарадуюсь, что у меня здѣсь Иванъ Ивановичъ. Трезвый, честный, порядочный человекъ.

Итакъ, я потолковалъ съ Иваномъ Ивановичемъ, посмотрѣлъ сады, скотину (все хорошо) и поѣхалъ къ Дьякову. Ближе, чѣмъ 15 верстъ. У Дьякова прелесть что за домъ, что за балконъ, лучше вашего Покровскаго; какъ песочкомъ усыпаны дорожки, какая ограда! Все отлично. А вошелъ къ нему, онъ въ 4 часа еще не одѣвался. Жена съ самаго приѣзда все хвораеть ревматизмами въ головѣ, и Маша ¹⁾ заболѣла только утромъ: маленькій жаръ. Кромѣ того, что онъ больны, видно, что она скучаетъ, и онъ опустился. Пасмурно у нихъ. Онъ въ полѣ ни разу не былъ. Онъ очень радъ былъ, что его зовутъ къ намъ, и ему хочется. Ежели его жена и Маша поправятся (нынче уже имъ было лучше), онъ приѣдетъ завтра ко мнѣ, и мы вмѣстѣ приѣдемъ. Несмотря на его уныніе и апатію къ хозяйству, оно идетъ у него все-таки на большую ногу. Я все-таки у него очень пріятно провелъ день. Но съ усталости или съ чего—не знаю, но спалъ ночь прескверно, и почувствовалъ себя очень не хорошо, и потому не уѣхалъ, какъ хотѣлъ—вечеромъ или рано утромъ, и потому опоздалъ тебѣ письмомъ.

Теперь въ Никольскомъ получилъ отвѣтъ отъ дурака посредника, посылая Ивана Ивановича къ землемѣру, и самъ поѣду (выснавшись) по лѣсамъ и полямъ.

Задержать меня ничего, кажется, не можетъ, и къ обѣду, самое позднее, я приѣду въ воскресенье.

¹⁾ Дочь Дьякова.

Нынче я начинаю беспокоиться и чувствовать себя одинокимъ, и очень радъ буду твоему письму. Я во все время ни на кого не сердился и не увлекался ничѣмъ; но пасмурно, — погода все хуже и хуже. Прощай, душенька, иду спать.

Устроимся мы всѣ въ Никольскомъ прекрасно ¹⁾. Только перегородку переставить, и... передѣлать и одну комнатку подкленить. Тетенкѣ будетъ комната, и Тапѣ комната. Когда пріѣду, все растолкую.

Лѣтомъ 1865 года, въ концѣ іюня, Левъ Николаевичъ свезъ меня и дѣтей къ сестрѣ ея, Маріи Николевнѣ, гдѣ я жила въ банѣ; самъ уѣхалъ на охоту къ Курьевскому. Его письма того времени, хотя безъ означенія числа и года. На бумажкѣ двухъ писемъ напечатано: «Воинъ», ильнѣ Новосильцовыхъ ²⁾.

33.

27 іюня.

Соня, по этому ты можешь видѣть, откуда я пишу. Пріѣхалъ вчера поздно къ Новосильцовымъ и всѣми исправдами не могъ уѣхать раньше нынѣшняго дня, 2-го часа. Старикъ заговорилъ меня своими анекдотами и рассказами изъ моего добраго, стараго времени двѣнадцатаго года. Сынъ же замучилъ меня, показывая хозяйство. Хозяйство и домъ діаметрально противоположны хозяйству бароновъ ³⁾. Все для изящества и тщеславія: парки, бесѣдки, пруды, point de vue, и очень хорошо. Но Ясная лучше. И можешь себѣ представить, — видъ его хозяйства побудилъ меня къ тому, что ты любишь и желаешь, — подчистить въ Ясной. Нынче Богъ знаетъ когда пріѣду, но иоѣду, не останавливаясь. Лошадей отпускаю и людей, потому что Барабанъ захворалъ. Въ Орлѣ все куплю. Я радъ, что этотъ день меня развлекли, а то дорогой мнѣ уже становилось за тебя

1) Семья предполагала часть лѣта провести въ Никольскомъ.

2) Помѣщнки.

3) Дельвигъ.

страшно и грустно. Смѣшно сказать: какъ выѣхалъ, такъ почувствовалъ, какъ страшно тебя оставлять. Прощай, душенька, будь панпѣка и пиши. Петръ Петровичъ тутъ ходитъ, пока я пишу, и мѣшаетъ, и говоритъ: «mettez moi aux pieds de la comtesse», и т. д. Прощай.

Л. Толстой.

34.

(Бумажку я захватилъ отъ Новосильцова.)

Пишу еще нѣсколько словъ изъ Орла, откуда я сейчасъ ѣду. Приѣду я въ Шаблыкино, должно быть, полночь и предполагаю, что придется переночевать на постояломъ дворѣ. Здоровье мое ни то, ни се, хотя одно ухо пренеприятно заложило. Ызда скучна, но время, проведенное у Новосильцовыхъ, было очень пріятно и интересно.

Ботинки сейчасъ иду покупать, но едва ли успѣю отправить. Да ежели и отправить, то едва ли приѣдутъ раньше меня. Миѣ все больше и больше становится скучно и грустно, и страшно. Кирѣевского я, вѣроятно, не застаю и 28-е проведу въ погонѣ за нимъ. Стало быть, если придется поохотиться 29, 30 и 31, я былъ бы совершенно удовлетворенъ и могъ бы приѣхать 2-го; но это только предположеніе. Вышло же, что вмѣсто того, чтобъ приѣхать утромъ нынче, я приѣду утромъ завтра. Во всякомъ случаѣ 5-го я буду дома, а надѣюсь и желаю, что раньше. Никогда мы передъ разлукой не были такъ равнодушны, какъ этотъ разъ, и потому миѣ все о тебѣ щемитъ. Прощай, душенька. Пиши все дневникомъ подробнѣе, хоть по приѣздѣ прочту.

Л. Толстой.

35.

28 іюня.

Пишу тебѣ отъ Кирѣевского подъ звуки органа, играющаго увертюру изъ Донъ-Жуана, и въ столовой, гдѣ пронасть прислуживающаго народа. Я приѣхалъ утромъ 28-го, потому что переночевалъ въ дорогѣ. Кирѣевскій не уѣзжалъ еще, все ожидая дождя. Въ первый свой отъѣздъ онъ ничего не убилъ и,

почти какъ Фетъ, смотритъ безнадежно на воду, исчезающую вмѣстѣ съ дичью. Что за муаровый жилетъ! Очень любезенъ, учтивъ, ровень со всѣми и простъ во всѣхъ смыслахъ; но, видно, честный, добрый, здравомыслящій человекъ, которому и по положенію, и по богатству легко было быть честнымъ. Онъ не хотѣлъ еще ѣхать, ожидая дождей, но для меня, зная, что я пріѣхалъ на три дня, ѣдетъ завтра. Укладываются вина и провизія въ огромный подвезенный къ дому фургонъ; собираются ружья, собаки и человекъ 6 охотниковъ, изъ которыхъ внушающій мнѣ страхъ и уваженіе—Костецкій, съ которымъ Кирѣевскій познакомилъ меня, какъ съ первымъ стрѣлкомъ въ мірѣ. Выѣжаемъ мы завтра и, должно быть, день будемъ въ ѣздѣ, потому что ѣдемъ за 30 верстъ. Стало быть, охоты для меня будетъ 30-е и 31-е, и 1-е. Ежели 2-го я вернусь къ Кирѣевскому, 3-го я выѣду, 4-го пріѣду. Здоровье мое хорошо. Садятся ужинать. Напишу завтра. Цѣлую тебя. Прощай, голубчикъ.

Л. Т.

36.

1 іюля.

День пропустилъ, не писалъ тебѣ. Отъ тебя не получилъ ни одного письма, и знаю отчего. Я самъ виноватъ, давъ тебѣ адресъ на Орель, тогда какъ Кирѣевскому пишутъ въ Карачевъ. Теперь ужъ поздно эта поправка. Въ Орлѣ, Богъ дастъ, получу твой дневникъ. Страшно! Но, пожалуйста, вышли 4-го числа лошадей съ письмомъ. Теперь рассказъ о себѣ. Пріѣхалъ я, какъ сказалъ тебѣ, 28-го утромъ къ Кирѣевскому. Онъ уже всталъ. Меня отвели, не спрашивая, кто я и зачѣмъ, въ комнату, спросили, чегс я хочу: чаю, кофе. Куча грязныхъ лакеевъ въ передней встаютъ всякій разъ, какъ ты проходишь. Онъ—ограниченный, честный, твердый человекъ, исключительно охотникъ. Изъ всѣхъ его рассказовъ три четверти принадлежатъ охотѣ. Обходилъ я весь паркъ. Паркъ хорошъ, но деревья молоды, и все-таки паркъ хуже тѣхъ подмосковныхъ, которые ты знаешь. 29-го мы поѣхали послѣ завтрака въ 7 экипажахъ на северныхъ

упряжкахъ и лошадахъ, но все съ отличными собаками и ружьями, и съ такой важностью и степенностью, какъ будто мы ѣхали на важнѣйшее дѣло въ мірѣ. Приѣхали за 40 верстъ, на границу Брянскаго уѣзда, того лѣснаго, дикаго мѣста, о которомъ я тебѣ говорилъ.

На постояломъ дворѣ все устроено, какъ дома: палатки, кухня. На другой день мы поѣхали, т.-е. мы, за исключеніемъ Кирѣевскаго, который остался дома бить мухъ (какъ онъ говорить),—Казаковъ, молодой, добрый малый, отставной гусарь, Костецкій полякъ, отличный стрѣлокъ, Андреевъ, мелкопомѣстный дворянинъ, главный охотникъ, егерь Кирѣевскаго, и я. Мы убили 32 штуки, изъ которыхъ я—8. Дора была необыкновенна, это признали все. И я, стрѣляя по бекасу, убилъ бекаса и ранилъ Дору въ ухо. Ужасно жалко мнѣ ее было, но опаснаго ничего нѣтъ. Усталъ я ужасно и плохо выспался нынче, но здоровъ, и даже шума въ ухѣ нѣтъ. Нынче опять ѣдемъ, и, по правдѣ сказать,—чего я здѣсь не скажу,—совсѣмъ не хочется ѣхать, но дѣлать нечего: заѣхавши такъ далеко, надо воспользоваться, сколько возможно. Правду сказать, мнѣ здѣсь дороже охоты—этотъ охотничій міръ и стариковскій. Я не жалѣю, что я поѣхалъ, и не на радуюсь. Особенно когда приѣду и увижу тебя и дѣтей,—тебя съ твоей улыбкой, и тебя, здоровую, счастливую и спокойную. Только чтобъ съ тобой ничего не случилось во все это время. Вотъ что: я не обѣщаю приѣхать раньше 5-го, но лошадей вышли во *Мценскъ*, не въ Богуславъ, а во Мценскъ. И не 4-го, а 3-го. Пускай онъ скажется на почтовой станціи, гдѣ онъ стоитъ, чтобы мнѣ его сыскать. Лошадей закладываютъ, надо пойти убираться. Прощай, душенька, Христосъ съ тобой.

Л. Т.

37.

Передъ выѣздомъ изъ дому въ Тулу.

Я тебя не сталъ будить; авось, сномъ ты избавишься отъ боли. Я уѣзжаю въ 11-ть, стало быть, раньше 6 не приѣду. Ежели же

что-нибудь интересное, — что очень сомнительно, — задержать, то останусь и вечеръ. И я панька, и ты будь панька, и Сережа будь панька, не будетъ...

Я все медлю, хотѣлось бы тебя поцѣловать передъ отъѣздомъ.

Съ поѣздки лѣтомъ въ Никольское.

38.

Съ дороги.

Посылаю тебѣ 5 бекасовъ. Я не успѣлъ дойти до Ооминки, а все настрѣлялъ подъ Карамышевымъ. Кушай и поминай, и дождай меня. Должно быть, доѣду на своихъ. Доставившему тебѣ бекасовъ дай 20 коп.

Твой *Л. Толстой.*

39.

До Сергіевского ѣхалъ я по ужасной погодѣ. Объ этомъ жаркомъ, удушающемъ вѣтрѣ вы не можете себѣ представить. Миѣ сдѣлалось страшно, что я задохнусь. Кромѣ пыли, въ воздухѣ былъ дымъ, который я почувствовалъ, 6 верстъ не доѣзжая Сергіевского. Пошелъ дождь и холодный вѣтеръ. Я заѣхалъ въ избу отдышаться и узналъ, что Сергіевское горитъ. Я приѣхалъ, пожаръ еще былъ во всемъ разгарѣ, но больше не распространился, потому что вѣтеръ стихъ. Сгорѣло больше 50 домовъ на этой и той сторонѣ рѣки. 4 трупа сгорѣвшихъ уже найдено, а не досчитываются еще человекъ 6 дѣтей и взрослыхъ. Сапожникъ съ женой найдены сгорѣвшими подъ печкой, куда они забилась отъ страха. Я теперь жалѣю, что я не посмотрѣлъ. Черемушкинъ не сгорѣлъ; за домъ отъ него остановилось. Я засталъ у его воротъ толпу народа пьянаго и пьющаго водку, которую онъ имъ подносилъ. Пьяныхъ пропасть по всему селу, такъ что общее зрѣлище больше гадкое, чѣмъ жалкое.

Я доѣхалъ на своихъ до Красныхъ дворовъ и туда же велѣлъ ему быть къ утру въ воскресенье. Ѣхать на телѣжкѣ превосходно. Я хотѣлъ тебѣ сказать и забылъ: какъ ты дала большой

Танѣ держать маленькую Таню? Большая теперь такъ не своя, что ей ничего поручать нельзя. Я уѣхалъ, и боюсь очень за нее. Какъ бы не возобновилось старое? Хотѣлось написать тебѣ: смотри за ней, впушай ей то и то, или скажи Сережѣ, въ какомъ она положеніи ¹⁾; по ничего нельзя. Никто не виновать, и ни совѣтовать, ни заказать ничего нельзя. Засуха и она не выходятъ у меня изъ головы. Я усталъ, но мнѣ хорошо было ѣхать. Чувствую въ себѣ вниманіе веселое ко всему. Черемушкинъ какъ милъ—прелестъ.

Я еще не начиналъ беспокоиться о тебѣ и дѣтяхъ, но боюсь, что это скоро придетъ. Впрочемъ, что Сережа съ вами, это ужъ много легче. Въ пятницу напишу тебѣ. Сѣмечки—10—пошлю, прибери, или, еще лучше, посади въ ящикъ, въ Пироговѣ. Варенькѣ скажи, что я *чувствую*. Прощай, душенька.

40.

Тоже.

Доѣхалъ я за Сергѣевское вчера часу во 2-мъ ночи и прекрасно выспался на сѣнѣ. Привезли ли тебѣ бекасовъ и записку изъ Ланоткова? Ночую и пью чай въ избѣ милаго русскаго мужичка. Что за свиньи и перяхи! Дьяковская лошадь такъ ослабѣла, что не только долженъ ее оставить, но что, боюсь, Кузьма принесетъ домой одинъ хомутъ и кожу. На совѣти у меня не будетъ ея смерть,—я ѣхалъ очень тихо.

Цѣлую тебя, душенька, тетеньку и дѣтей.

41.

Тоже.

Приѣхалъ во 2-мъ часу въ Чернь на парѣ. Видѣлъ, какъ Дьяковская шаталась и собиралась умирать, и ужасно жалко. Сейчасъ встрѣтилъ гусарскаго стараго офицера,—Ваську Денисова нынѣшняго вѣка. Плохъ. Гусаръ съ маленькимъ отгѣнкомъ

¹⁾ Татьяна Андреевна тогда заболѣла и у нея (ошибочно) предполагали начало чахотки.

нигилизма. Нынче буду ночевать у Мани; завтра, если Богъ милостивъ, рано поѣду въ Никольское и къ завтраку къ Дьяковымъ. Тамъ переночую; но во всякомъ случаѣ не раньше понедѣльника буду дома. Прощай, душа моя. Цѣлую тебя и дѣтей.

1866 годъ.

Съ дороги, когда Левъ Николаевичъ везъ больную сестру Таню къ Дьяковымъ въ Чермошню.

42.

Весной.

Мы приѣхали въ Сергіевское въ четыре часа благополучно. Дремали, но не спали. Кажется, Таня не устала, и респираторъ ей пріятенъ. Богъ съ тобой! Надѣюсь, что ты будешь ужъ поднята духомъ, когда получишь эту записочку. Ежели можно раньше приѣхать, то приѣду, потому что только съ тобой, дѣтьми и дома я человекъ. Но едва ли будетъ можно. Прощай, цѣлую тебѣ въ глаза.

43.

Приѣхали въ Чернь около 9-ти и рѣшили ѣхать прямо на Никольское. Хотя и грязь ужасная, но думаю, что временемъ мы выгадаемъ. Отъ Сергіевскаго я спалъ все время, также и Таня, и до сихъ поръ я одобряю ночную ѣзду. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, только и случилось событій, что сонъ. И сонъ я видѣлъ, что Громило нашелся и бѣжить по прешпекту, а за нимъ его щенята. А Громило—сука, а щенята его сороконожки—насъкомья, и ихъ безчисленное множество.

Теперь ужъ можно опредѣлить приблизительно, что раньше 3-хъ часовъ мы въ Чермошню никакъ не попадемъ, и то дай Богъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя.

Поѣздка съ моимъ братомъ Степой въ Бородино для осмотра поля битвы 12-го года и избушки военного совѣта.

44.

Сентябрь 1).

Сейчасъ, 25-го вечеромъ, ѣду въ Бородино со Степой, котораго отпустили со мною по моей просьбѣ. Везу съ собой письмо къ управляющему Аникѣевой въ ея имѣнье, находящееся въ 10-ти верстахъ отъ Бородина, и письмо къ игуменьѣ въ тамошній монастырь. Останавливаться, вѣроятно, нигдѣ не буду до Бородина. Ѣду на почтовыхъ. Цѣлыхъ полтора дня былъ въ попыхахъ мелочныхъ хлопотъ. Печаташе идетъ вяло, и вовсе не отъ меня, а отъ неисправности почты. Последній разъ посланная рукопись до сихъ поръ не получена. Принли мнѣ расписку. И отъ неисправности Риса, котораго надо подгонять ²⁾. Я такъ здоровъ, какъ всегда бываю въ городѣ. Наши все очень милы и добры, какъ всегда. Петя хорошо учится, и все погружены въ занятія. Цѣлую всехъ нашихъ; а тебя и дѣтей особенно. Ежели Маша у насъ, надѣюсь, что она понимаетъ необходимость моей поѣздки. Прощай, душенька. Въ четвергъ утромъ тебѣ телеграфирую.

45.

27 сентября.

Сейчасъ пріѣхалъ изъ Бородина. Я очень доволенъ, очень, своей поѣздой и даже тѣмъ, какъ я перенесъ ее, несмотря на отсутствіе сна и ѣды порядочной. Только бы Богъ далъ

¹⁾ Посвященіе Бородинскаго поля въ книгѣ П. Бирюкова отнесено къ осени 1865 г., со ссылкой на воспоминанія С. А. Берса, сопутствовавшего Л. Н. въ этой поѣздкѣ (Бирюковъ, II, 28). Но въ рукописи этихъ воспоминаній, хранящейся въ библиотекѣ Ясной Поляны, годъ поѣздки определенно обозначенъ 1866-й.

²⁾ Типографія, гдѣ печаталось отдѣльное изданіе „Войны и мира“.

здоровья и спокойствія, а я напишу такое Бородинское сраженіе, какого не было!.. Все хвастается!.. Видѣлъ тебя во снѣ, лежа въ монастырѣ, и такъ ясно, что вспоминаю о снѣ, какъ о дѣйствительности, и со страхомъ думаю о тебѣ. Не пишу тебѣ о подробностяхъ поѣздки—разскажу. Первую ночь ѣхалъ до Можайска сто верстъ и соснулъ поутру на станціи. Вторую ночь почевалъ въ гостиницѣ монастыря. Всталъ на зарѣ, объѣхалъ еще разъ поле и весь день ѣхалъ до Москвы. Получилъ твои два письма. Грустно о большой Танѣ и страшно, очень страшно стало за маленькую Таню (я знаю, вижу, и люблю, и боюсь ее съ ея жаромъ). Но главное—стало хорошо на сердцѣ отъ твоихъ писемъ, отъ того, что есть *тебя* въ нихъ. И все лучшее твое ты кладешь въ письма и мысли обо мнѣ. А въ жизни часто заглушаетъ это и тошнота, и чув-ство спора. Я это знаю.

Я занимаю 1000 руб. у Перфильева и потому буду богатъ, и куплю и шапку, и сапоги, и все, что велишь. Знаю, что ты разсердишься на то, что я занимаю. Не сердись; я занимаю затѣмъ, чтобы это первое время зимы быть свободнымъ и не тревожимымъ денежными дѣлами, и съ этой цѣлью намѣренъ эти деньги беречь какъ можно и имѣть ихъ только на то, чтобы знать, что есть деньги, чтобы расчесть невыгоднаго и лишняго человѣка и т. п. Ты поймешь и поможешь мнѣ. Письма твои, душенька, для меня огромное наслажденіе, и не говори вздоръ, чтобъ я ихъ давалъ читать.

Въ Бородинѣ мнѣ было пріятно, и было сознаніе того, что я дѣлаю дѣло. А въ городѣ мнѣ невыносимо, а ты говоришь, что я люблю шляться. Я бы только желалъ, чтобы ты въ $\frac{1}{10}$ такъ любила деревню и ненавидѣла праздную суету города, какъ я. Завтра поѣду къ Перфильевымъ поблагодарить ихъ, и увижу Рису, и буду дѣлать покупки; и ежели все кончу и Дьяковъ готовъ, то поѣду въ пятницу утромъ. Прощай, душенька, цѣлую тебя и дѣтей.
